

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков

Глава первая.

Проснулся Степка на рассвете.

Разбудили его голоса – близкий говор людей, смех, утренний курецкий кашель и бряцание пустых котелков. Еще не одолев дремоту, он понял, что это шли завтракать – рядом в ольшанике была тропинка к недалекой кухне, запах дыма от которой давно уже доносился до его ямы. Обостренным обонянием Степка улавливал соблазнительный запах жареного и тогда даже во сне не мог заглушить в себе сосущее чувство голода. Но до еды, пожалуй, было далеко. С пробуждением на него хлынул поток самых неприятных воспоминаний: перепутанные картины вчерашнего нахлынули все сразу, и он со щемящей болью в душе ощутил этот переход из сонного забытья в слишком беспокойную и нерадостную теперь для него действительность.

Больше уже не заснул.

Им снова завладела тревога, на несколько часов прерванная сном, опять потянулось ожидание, которое, однако, не предвещало ничего хорошего. Он потянул голову – шея по-прежнему не сильно, но как-то надоедливо тупо болела, чирьи, кажется, нарывали все больше; один, содранный вчера, наверно, присох к рубашке, и теперь, шевельнувшись, Степка почувствовал короткую острую боль в плече.

В яме было прохладно, от утренней свежести тело пробирала дрожь, зябли руки. Струхлевшая соломенная подстилка на дне отсырела, стала волглой, как скошенная завявшая трава, и не грела. Где-то, невидимое за лесом, всходило солнце; в высоком просторе неба, предвещая погожий день, белело спокойное облачко. Ниже под ним высилась усыпанная шишками вершина ели, несколько шишек лежало и в яме на утоптанной соломе, возле его босых и грязных ног.

Яма была не очень глубокая, когда-то второпях выкопанная для картошки, небольшой запас которой хранили тут до весны. С осыпавшихся земляных стен свисали еловые корни; те, что потолще, торчали из земли твердыми узловатыми обрубками. Вылезти отсюда было нетрудно даже и ребенку, но Степка вылезать не собирался, терпел и уповал на справедливость – должна же быть на земле справедливость! Теперь, понемногу успокаиваясь после вчерашнего, он начинал понимать, что погорячился, не стерпел, что не надо было доводить все до беды. Но разумные мысли обычно запаздывают, и того, что случилось, уже не исправить.

Затаив дыхание, Степка начал различать какие-то невнятные звуки, которые не сразу понял, а потом стало ясно, что поблизости стругали палочку или какой-нибудь прутик: слышался тихий шорох ножа, посапывание, натужный взмах руки. Потом он расслышал и негромкое постегивание по упругой, усыпанной хвоей земле. И парню вдруг нестерпимо захотелось туда, на свободу, хоть бы оглядеться вокруг, высунуться из этой сырой, провонявшей струхлевшей соломой ямы.

Но он знал, что, пока не приедет комиссар, никто его отсюда не выпустит.

Между тем на тропинке под елями сначала едва-едва, а потом все отчетливее слышатся чьи-то широкие торопливые шаги, доносится шорох задетых ветвей, мерное позвякивание в такт шагу – оружия или чего-то в карманах. Слышно, как поблизости встает часовой, ударами ладони небрежно отряхивает полу одежды; резко щелкает ножик. Степка с опозданием догадывается: идут сюда. Может, за ним? Он ждет этого и готов уже обрадоваться, но вместо обычных в таком случае слов слышит другие.

– Ну, иди, подрубай! – раздается голос довольного собой и, видно, позавтракавшего уже человека.

Неожиданно близко и хрипловато после долгого молчания откликается часовой:

– Что там? Опять ячная?

– Кулеш с салом.

– Ну и то лучше. Эта ячная уже в горло не лезет.

– Полезет. А как твой бандит? – вдруг спрашивает пришедший.

– Тихий, как мыша. Спит все.

– Тихий, говоришь...

Голоса незнакомые, наверно, кто-то из новых. Степка чувствует, что идут к нему, и, усевшись, принимает независимый вид.

Скоро над краем ямы появляются две головы – одна в шапке, другая в немецкой пилотке, – а затем и сапоги, трофейные, подбитые шипами, – это у того, что пришел на смену. Тот, что отстоял свое, держится поодаль, и Степка видит его только до пояса.

– Привет! – с наигранной легкостью бросает новый часовой, с любопытством ощупывая его быстрыми глазами.

Степка медленно опускает голову – ему не до шуточек и нелепых теперь

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
разговоров. Часовой, наверно, понимает это и сгоняет с лица улыбку:
– Ничего. Приедет комиссар, разберется. Ты из какой роты?
– А тебе что? – тихо говорит Степка, поднимая на него холодный, с укором взгляд.

– Да так.
– Что ты его допрашиваешь! – нетерпеливо перебивает другой. – Из какой бы ни был, теперь его дело труба.

– Ну почему труба? А если смягчающие обстоятельства? Пошлют на «железку», испугит вину и будет бегать! – бодро говорит часовой.

Степка прислушивается и хмуро еще вглядывается в этого человека с седоватой щетиной на щеках и морщинами у рта, который кажется ему почти пожилым, во всяком случае постарше многих. По разговору парень определяет: нездешний, наверно из окруженцев или бывшего районного начальства. Степка уже готов приободриться, но улавливает в его тоне нотки неискренности, наигрыша и опять опускает голову.

– Приедет комиссар, он ему покажет смягчающие, – недобро ворчит сменившийся.

– Ничего. Главное, не дрейфить! Если что – мол, под мухой был. А под мухой оно все возможно.

Они поворачиваются и уходят. Степка с облегчением вытягивает ноги, слушать их бодрю болтовню ему уже становилось невмочь. Что бы там ни ожидало его впереди, лишь бы скорее. Ему уже кажется, что он сидит тут бесконечно долго, и его встревоженное нетерпение то заглушается воспоминаниями, то нестерпимо обостряется. Наверно, уж лучше одному, когда никто не донимает его ни угрозами, ни бесполезным теперь утешением. Скорчившись от холода, он жмет плечом к волглой земляной стене, одну к другой сводит озябшие ступни – так вроде становится теплее.

Невдалеке, наверно на кухне, рубят дрова: доносятся размеренные удары, короткий стук дерева, временами тонко отзванивает топор. Таки он рубил два дня назад, и, пожалуй, рубил бы и теперь, и завтра... И надо же было ему подвернуться в недобрый час, напроситься на это задание! Он и до сих пор не может понять, в самом ли деле подрывник Маслаков разыскивал его, чтобы взять в группу, или, может, случайно повстречал в лесу и позвал.

Впрочем, на Маслакова обиды у него нет – у того были наилучшие намерения, и его ли вина, что обстоятельства повернулись столь неожиданным образом...

Глава вторая

Срубив несколько ольховых жердей, Степка возвращался на кухню.

Нетолстые те жерди он сперва нес, потом тащил за шершавые, набрякшие весенним соком комли – верхушки и неровно обрубленные сучья драли прелую залежь прошлогодней листвы, цеплялись за кусты и деревья. Комли же просто отрывали руки. А тут еще винтовка, свисавшая с плеча на длинноватой веревке вместо ремня, беспрепятственно путалась прикладом меж ног, мешала идти, и он, притомившись, бросил олешины, так и не дотащив до кухни. Затем, помедлив, и сам устало опустился на землю в редковатом ольшанике возле стежки. Было тепло и затишно, он угрелся, под суконным венгерским мундиром вспотела спина. Он расстегнул воротник, бросил наземь старенькую измятую шапку, от мокрой подкладки которой шел пар. Несколько минут он, сопя, отдыхал, думая, что шапка – пустяк: всю зиму носил, и еще, наверно, послужит. Так же, как и коричневый венгерский мундир, и черные, прошитые светлым кантом полицейские штаны, а вот с сапогами ему решительно не повезло – сапоги развалились. Левый уже с неделю был перевязан куском оранжевого немецкого провода, а правый невозможно было и связать: перед сгнил почти полностью. В сапогах всегда было мокро, ноги постоянно стыли. Наверно, по этой причине Степку стали донимать чирьи: на боках, под мышками, а теперь вот еще и на шее – не повернуть головы.

Впрочем, насчет сапог он был виноват сам: мог стащить с какого-нибудь фрица (их тогда немало валялось после удачной засады) обычные солдатские, а не зариться на офицерские. Офицер этот подвернулся ему в канаве, куда Степка предварительно швырнул гранату и тут же, не теряя времени, снял с него ремень с парабеллумом и эти вот сапоги. Парабеллумом, однако, попользовался недолго – уступил новому начальнику штаба, который имел какой-то длинноствольный музейный наган. Ремень отдал взводному Бойченко, потому что ремень у Степки и старый был неплохой. На хромовые же сапоги, чересчур шикарные для лесной жизни, поменяться никто не хотел, пришлось носить самому.

Вообще в этом отряде Степке не везло всю зиму. Началось с того, что его спутали с одним партизанским связным, тоже по фамилии Толкач, который где-то выдал отрядных разведчиков, и за которым охотились партизаны. Пока разбирались, Степку

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru с неделю продержали в запертой землянке. Потом его выпустили, но первое же задание за пределами лагеря едва не стало для него последним. Небольшая группа их заночевала тогда в пуньке. Степка с вечера стоял на посту и, сменившись, только задремал в сене, как на деревню налетели полицаи. Ребята огородами драпанули в лес, а его впопыхах разбудить забыли. Пришлось до полдня, не шевельнувшись, простоять у косяка за воротами в десяти шагах от пьяных бобиков, расположившихся на гумне. Когда же назавтра он пришел в отряд, все очень удивились его невероятному спасению. Какое-то время Степку подозревали, вызывали к начальству, слушали его короткое объяснение, верили и не верили. Потом, когда подозрение несколько улеглось, ему не стало отбою от Грушецкого, остряка-балагура из Полоцка, не пропускавшего случая позубоскалить над парнем. Как-то не стерпев, Степка огрел его прикладом по голове, за что тут же получил прозвище Псих – самое обидное из всех, которые он имел за свою не очень складную семнадцатилетнюю жизнь.

В прежнем отряде имени Ворошилова жилось ему куда лучше. Там он был едва не самым старым бойцом, с партизанским стажем ненамного меньшим, чем у самого командира отряда лейтенанта Крутикова. Правда, там его тоже дразнили, но прозвища были более сносные: Белый – это за волосы и брови – и еще Здыхля, потому что худой, хотя худых в отряде и без него было немало. Но там он чувствовал себя наравне с другими, полноценным бойцом, не то, что у этих чапаевцев. К сожалению, тогдашняя жизнь его оборвалась со смертью лейтенанта Крутикова, немногочисленные остатки отряда которого разбрелись по соседним лесам и бригадам.

Самое худшее, конечно, было не в смене отрядов и даже не в отношении к нему партизан. Ребята, понятно, иногда насмеялись над ним, молодым и слабосильным, но делали это не по злобе, а скорее ради потехи. А вот начальство, то шуток не знало. С начальством партизан Толкач был в давнем, застаревшем конфликте: Степка считал, что к нему придираются, а начальники держались того мнения, что Толкач – разгильдяй, к которому нужна строгость. Так говорил взводный Бойченко, когда жаловался на его самоуправство с выселковским старостой, которого Степка подстрелил по дороге с задания. За разгильдяйство ругал его начальник штаба, когда он, переведенный в хозяйственный взвод, упустил с поводка продуктовую корову штаба. Отряд тогда выходил из блокады, хозяйственники с возами пробирались какими-то овражками, на шоссе их перехватили каратели, начался обстрел трассирующими, и черная шустрая рогуля метнулась в кустарник как бешеная, только он ее и видел в сумерках. Искать было бессмысленно. Степка погоревал и, перейдя шоссе, вынужден был с оборванным поводком предстать перед начальником штаба. Думал, это для него плохо кончится. Хорошо, что вокруг было полно карателей, и партизаны таились, как мыши, боясь хрустнуть веткой.

– Толкач!

Степка от неожиданности вздрогнул и оглянулся: отстраняя рукой ветки, в кустарнике пробирался Маслаков – подрывник, кадровый красноармеец, с которым они однажды зимой ходили на «железку». Последнее время Маслаков залечивал в санчасти раненую руку и время от времени навещался к ним в хозяйственный взвод.

С некоторым удивлением глядя на подрывника, Степка молчал, не понимая, зачем понадобился ему. Рука у Маслакова была уже без перевязи, однако двигал он ею осторожно, на ладони все еще белел замызганный бинт повязки. Подрывник выбрался из зарослей – тонкие ветки ольшаника упруго прошуршали по его зеленой расстегнутой телогрейке.

– Как жизнь, Толкач?

Степка все молчал, не зная, как отнестись к этому вопросу: кому не известно, какая жизнь в хозвзводе на кухне. Похоже было, что Маслаков шутит, хотя в его тоне и во всем виде не чувствовалось никакой шутки. Как всегда, располагающая улыбка сквозила на его смуглом округло-простодушном лице.

– Да вот, дрова запасаю.

Ногой в исправном еще, намазанном салом кирзовом сапоге Маслаков тронул кривой ольховый комель – верхушка жерди, словно живая, коротко шевельнулась в траве.

– Один таскаешь?

– Ну.

– Каторжник! – сочувственно заключил Маслаков и в упор повернулся к парню. – Слушай, у меня к тебе дело.

Степка нетерпеливо снизу вверх взглянул на Маслакова. Когда тот еще только окликнул его, он почувствовал, что это не так себе, что Маслаков несет новость и что новость эта хорошая. И он во все глаза смотрел теперь на подрывника, который на минуту будто замаялся в нерешительности.

– Сходим на одно дело? С музыкой.

Неизвестно почему, но Степка уже чувствовал, что будет именно такое

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru предложение. Это было куда как соблазнительно – сходить с Маслаковым на боевое задание. А то последнее время он, если и вырывался куда, так за картошкой на какой-нибудь хутор или за сеном в луга; однажды возил трофейный брезент в соседний отряд. На задания его не посылали.

Но тут же Степка вспомнил свое положение в хоззвезде и нахмурился:

– Клепец разве пустит!

– А куда денется.

– Ты говорил с ним?

– Командир поговорит. Вызовет, прикажет – и весь разговор, – без тени сомнения сказал Маслаков.

Степка уныло махнул рукой.

– Ну, командир не заступится.

Подрывник нетерпеливо переступил на месте, поддал на плече новенький, с лакированным прикладом ППШ.

– Ладно, это мое дело. Ты говори: согласен?

– Я-то согласен.

– Так потопали. А то времени мало.

Еще не веря, Степка нерешительно поднялся, подобрал винтовку, глубже за ремень засунул топор. Маслаков одною рукой подхватил две жерди и двинул в кустарник – напрямик к недалекой уже кухне. Степка поспешил следом. Вопреки своим опасениям он постепенно обретал уверенность, хотя в душе его еще не исчезло и сомнение.

Степка слишком хорошо представлял себе, как встретит эту новость Клепец, которому вечно не хватает людей на кухне, и те у него всегда лодыри и разгильдяи. Однако Маслаков о том, видно, мало заботился и, оглянувшись, сказал:

– Помнишь, как мы под Фариновом грукнули?

– Ну.

– Вот я и думаю: что это Толкача на кухне коптят? Такого подрывника, с опытом.

Он взглянул на парня с такой подкупающей улыбкой, что Степка на минуту почувствовал себя счастливым. Правда, он скоро сообразил, что Маслаков, наверное, преувеличивает, какой там у него опыт!

Опыт, конечно, был небольшой, последнее время на «железку» он не ходил. Но тогда под Фариновом они, в самом деле, рванули неплохо. Место подобрали удобное: насыпь, поворот и к тому же спуск, впереди подмерзшее болотце. Машинист, наверно, не предвидел опасности, и как грохнуло, почти весь состав слетел с насыпи. Тогда еще с ними ходили Балашевич и Струк. Первого уже нет, а второй раненым остался где-то в Козельской пуще.

С одной жердью было удобнее; вскоре они выбрались из чащи в редколесье, и Степка немного подбежал вперед, чтобы идти рядом.

– А кто еще пойдет?

– Еще? Данила Шпак из взвода Метелкина. Пожилой такой, местный. И Бритвин. Знаешь?

– Тот, что ротным был?

– Вот-вот. Пойдет вину искупать. Как искупит, тогда, говорили, опять командиром поставят.

Что ж, это было недурно: Маслаков, Бритвин – старые, опытные партизаны, Шпак Данила – здешний человек, насквозь знает все ходы-выходы. Степка постепенно уже осваивался со своею радостью, о задании он не спрашивал, знал: придет время – разъяснят, что надо.

Они подтащили дрова к кухне, от которой уютно пахло дымком, и остановились неподалеку от пня, где была дровосека. Тут уже лежало несколько жердин, принесенных раньше, однако Степка сразу прикинул, что на обед дров было мало. Тем не менее эта забота, недавно еще занимавшая его, теперь показалась такой постылой, что не хотелось о ней и думать. Они побросали жерди, и Маслаков привычно подтолкнул на плече автомат.

– Собирайся! Через часик потопаем.

Глава третья

Однако через час не потопали: случилась заминка со взрывчаткой.

Пока Маслаков бегал по начальству, они втроем дожидались под елкой на краю прогалины, в том месте, где начиналась дорога. Бывший командир роты Бритвин, как только пришел сюда, сразу растянулся ничком на усыпанной хвоей земле и лежал так, с молчаливой сосредоточенностью положив на руки крепкий свежесвыбранный подбородок. Из них троих он один в шинели и суконной пилотке имел хоть сколько-нибудь воинский вид; Степка же в своем сборном обмундировании скорее походил на полицаю. Что до третьего, пожилого колхозника Шпака Данилы, то во

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
внешнем облике того вообще не было ничего воинского. Молчаливый, с заросшим черными космами лицом, в рыжем, залубеневшем от мокряди кожухе и в лаптях, он сидел, прислонясь к смолисто-мокну елки, и что-то с аппетитом жевал. Рядом лежал его коротенький обрез с некрашеной самодельной ложей. Степка не сразу понял, что Данила ел бобы, которые таскал из замусоленной противогазной сумки понемножку, по паре зерен, всякий раз делая вид, что они у него последние. Тем не менее, и через полчаса он все ел, избегая взглядов Степки, когда тот поворачивался к нему. Парень отлично понимал эту простодушную хитрость, но молчал, потому что давно взял за правило ничего не просить у тех, кто не хотел давать.

Он был в приподнятом, почти радостном настроении. Клепца не понадобилось и вызывать к командиру – просто Маслаков передал ему распоряжение начальника штаба, и хозяйственник, поворчав, смолк, что значило – согласился. Степка, не дожидаясь обеда, получил свой кусок хлеба, который тут же сжевал, и теперь пребывал во власти волнующего нетерпения, когда хотелось только одного: поскорее двинуться в путь. Закинув за спину винтовку, он выломал прутик и, постегивая им по траве, поглядывал в сторону шалашей, откуда должен был появиться Маслаков.

– Может, мимо Озерища пойдём? Не знаете?

Ему никто не ответил. Данила был занят бобами, а Бритвин только повел на парня косым равнодушным взглядом.

– Возле Озерища легче пройти. Там вся полиция своя.

– А тебе откуда известно? – холодно спросил Бритвин.

– Мне? Такой секрет! Все знают, – с деланным безразличием сказал Степка, но внутренне насторожился: тон этого вопроса был ему слишком знаком, и он понял, что напрасно сказал так.

Бритвин после паузы с нажимом заметил:

– Ты за всех не ответчик и держи язык за зубами, если что и знаешь.

Степка поверх леса посмотрел в небо, затянутое молочной дымкой, сквозь которую с утра не могло пробиться солнце, затем перевел взгляд вниз, на шалаша за поляной – Маслакова все еще не было. Другому бы он ответил в таком же тоне, но грубить Бритвину пока воздержался. Правда, ходили слухи, что месяц назад Бритвин здорово проштрафился на задании, его сняли с роты, хотели судить, да перевели в их отряд рядовым. И, тем не менее, тон и весь его вид свидетельствовали, что рядовым он себя не считал. Во всяком случае в этой маленькой группе держался как старший, хотя и с небольшим, но все же заметным превосходством над ними двумя. Впрочем, это не очень беспокоило Степку, который единственным командиром признавал тут Маслакова.

Степка снял из-за спины винтовку и тоже присел несколько в стороне от тех двоих. Винтовка у него была старая, с граненым казенником, выпущенная, судя по клейму, еще до модернизации 1930 года. Вообще-то стреляла она неплохо, затвор также работал нормально, и Степка был бы вполне ею доволен, если бы не мушка. Мушка расквернилась в своем гнезде и имела обыкновение сползать в сторону от положенного ей места. Прежде чем выстрелить, надо было сдвинуть ее, чтобы совместились риски, а потом уж прицеливаться.

Степка подобрал на земле сучок, ногтями отщипнул от него щепочку и начал засовывать ее под мушку. Щепка, однако, не лезла, ломалась. На его занятие обратил внимание Данила, а затем и Бритвин, который, взглядевшись, недовольно двинул бровями:

– Ты что делаешь?

– Да вот, мушка.

Бывший ротный повернулся на бок и с требовательной уверенностью протянул руку:

– А ну!

Степка еще раз ковырнул щепкой, но опять неудачно и отдал винтовку Бритвину. Тот сел, расставив колени, привычно поклацал затвором.

– Ну и ломачина! Грязная, конечно, ржавая... У тебя кто командир? Меликьянц, да?

Степка промолчал. Разговаривать с Бритвиным у него уже пропала охота – он знал, что тот скажет дальше.

– Ладно. Давайте винтовку.

– Нет, обожди! – уклонился от его руки Бритвин. Он щелкнул курком, потрогал прицельную планку, потом взглянул на мушку. – А еще говорили, Меликьянц – строгий командир!

Степка все молчал, но под елкой подозрительно завозился Данила.

– Да он не Меликьянца – он с кухни.

– Как с кухни?

Бритвин опустил руку с винтовкой и впери в него недоумевающий, почти возмущенный взгляд. Степка за ствол выхватил у него винтовку, подумав про

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Данилу: чтоб ты пропал! Тянул его кто за язык, что ли? Но поправить ничего уже было нельзя, и он огрызнулся:

– А что на кухне – не люди?

Потом поднялся и закинул свою «ломачину» за плечо, готовый идти, только идти было некуда – надо было ждать. Данила с легкой усмешкой на широком лице, а Бритвин с тревожной настороженностью посматривали на него.

– Тебя кто в группу назначил? – спросил Бритвин, сдвинув к перекосью широкие брови.

– А вам что за дело?

Все было слишком знакомо. Степка опять почувствовал себя в положении человека, действия и способности которого брались под сомнение, и это невольно толкало его на дерзость.

– Назначили! У вас не спросили.

Бритвин тем не менее, сохраняя выдержку, погасил удивление и повернулся к Даниле, который без особого внимания к ним обоим копался в глубине своей сумки.

– Дожили, нечего сказать! – проворчал бывший ротный, снова откидываясь на локте.

Степка, потоптавшись немного, сел поодаль от них возле стежки. Первая радость в нем быстро омрачалась досадой, он уже каялся, что дал Бритвину в руки винтовку, – пусть бы осматривал свою. А то достал где-то десятизарядку, и столько важности! Еще неизвестно, чья лучше возьмет – его СВТ или эта, образца 1891 года. Степка мог бы все это объяснить им, как и то, что при кухне он оказался случайно, что он не меньше других в свое время ходил на задания. Но возникшая уже неприязнь к обоим, особенно к Бритвину, брала свое, и он ничего не мог с ней поделать.

Обиженно притихнув, Степка не сразу заметил, как со стороны шалашей появился Маслаков. Под елью, шурша кожухом, начал вставать Данила, поднялся и удобнее сел Бритвин. У Степки же от чирьев ломило в шее, и, чтобы оглянуться, он вынужден был повернуться всем корпусом. Шагая через поляну, командир одной рукой нес немецкую канистру, подойдя, поставил ее на дорогу и сдвинул с потного лба армейскую шапку.

– Что это? – спросил Бритвин.

– Дымок, дымок пускать будем, – заговорил Маслаков. – Думал, сыграем – ничего не вышло. Будем дымить.

Все озадаченно глядели на канистру – Данила и Степка, стоя возле нее, а Бритвин молчаливо сидя на своем месте. Разумеется, они понимали, что получилось хуже, чем предполагали: бензин – не тол, жечь всегда хуже, нежели взрывать.

– Так мы что, не на «железку»? – сдержанно спросил Бритвин, уставясь куда-то вниз, на сапоги командира.

Маслаков с неунывающей живостью в глазах окинул своих подчиненных.

– Нет, не на «железку». В другую сторону. На Кругляны.

– На Кругляны... А кто тебе группу комплектовал?

– А что, плохая группа? Сам подбирал.

Бритвин неторопливо встал, подошел ближе. Затем неожиданно повернулся и оказался лицом к лицу со Степкой.

– А этого тоже сам выбрал?

– Толкача? А что, плохой подрывник?

Бритвин исподлобья укоризненно посмотрел на командира.

– Где это он подрывал? На кухне?

– Где надо было, там и подрывал! – не стерпев, огрызнулся Степка. – Подумаешь, начальник нашелся!

– Тихо!

Наверно, Маслаков только сейчас что-то понял. Улыбка исчезла с его лица, без которой черты его сделались резкими, почти жесткими.

– Кого брал – мое дело, – сказал он. – Кто заслуживал.

– Заслуживал! Ты посмотри, какая у него винтовка! – кивнул головой Бритвин, отходя в сторону.

Маслаков повернулся к Степке:

– А ну, дай сюда!

Степка подал винтовку. Маслаков открыл затвор, резко щелкнул курком. Строго взглянул на парня:

– В чем дело?

– Да мушка немного шатается, – будто о пустяке, нарочитой скороговоркой ответил Степка и прикусил губу.

Пока Маслаков осматривал мушку, парень все больше хмурился, в душе проклиная Бритвина. Разве был он виноват, что Клепец вручил ему эту «ломачину»? С особенным сожалением он вспомнил теперь свой аккуратный трофейный автоматик, который у него отобрали, переводя в хозяйственный взвод.

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Маслаков поднял глаза на Степку:

– Закернить не мог? Да?

– Так не было чем.

– Сейчас некогда – на перекуре напомнишь. Сам закреплю. Остальное в порядке?

– В порядке, – поспешно ответил Степка.

Маслаков еще раз взглянул на его тонкую, перехваченную ремешком фигуру, задержал взгляд на перевязанном проводом сапоге, но не сказал ничего.

– Держи!

Степка на лету едва успел ухватить брошенную ему винтовку и с облегчением тихонько вздохнул. Напряжение его спало, главное – обошлось, его не прогнали, остальное уже не имело большого значения.

– Так! Тогда шагом марш! – сказал Маслаков. – Канистру понесем по очереди. Кто первый?

Однако первого не объявлялось, канистра стояла на краю дорожки, над нею, ожидая охотника, стоял Маслаков. Бритвин, верный своей привычке, отошел в сторону и принял такой вид, будто его ничего тут не касалось. Данила глядел в лес, как бы не слышал, что сказал командир. Тогда Степка с угрюмой решимостью ступил на дорогу и взялся за гнутую металлическую ручку канистры.

– Да-а, – неопределенно проговорил Маслаков и вздохнул. – Ладно, начинай, Толкач.

Глава четвертая

Начинать было не так уж и трудно – около часа Степка, меняя руки, тащил канистру. Зброшенная лесная дорожка сначала вилась в мрачном замшелом ельнике, потом потянулась низиной, ольховым кустарником, перелесками. По черному грязному торфянику партизаны перешли хлюпкое, со стоячей водой болото, края которого вовсю зеленели весенней травой.

Еще в начале пути Степка намеренно приотстал, чтобы не идти рядом с Бритвиным: Степка понимал, что бывший ротный недоволен им, сомневается в его боевых качествах, а может, и вовсе считает его неподходящим для порученного им задания. Хотя, пожалуй, надо было попросить у Свиридова автомат или хотя бы закернить эту мушку. Теперь, поразмыслив и несколько поостыв, он не считал себя во всем правым, но и не мог согласиться с тем, чтобы ему читал мораль Бритвин. Степка стерпел бы мораль от Маслакова или еще от кого-нибудь из отрядного начальства, но не от Бритвина, которого он не знал, а теперь уж и не уважал вовсе. Мало что он бывший командир, но товарищ из него никудышный. И это удручало, потому что на задании куда важнее было иметь рядом просто надежного товарища, чем придирчивого командира. В командах пока не было надобности – надо было тащить канистру.

И он тащил ее, едва не переламяваясь пополам. Бензин резко вонял, заглушая лесные запахи, и с тихим плеском мерно шевелился в посуде. Со временем канистра все тяжела. Степка начал останавливаться, отдыхая и меняясь руками, и, наконец, отстал. На пути их пролегал глубокий, заросший орешником овраг. Маслаков с остальными перешел по дорожке на ту сторону, а Степка остановился на краю и поставил канистру. Наверно, надо было окликнуть, чтобы подменили, но он промолчал: он не хотел при Бритвине ни о чем просить – могли догадаться сами. Остужая в воздухе натруженную ладонь, он только глядел им вслед и думал: оглянется кто или нет? Они же друг за другом лезли по склону вверх, и только выбравшись из оврага, Маслаков окликнул его. Степка, не ответив, опустился подле канистры. Они за оврагом тоже сели. Тогда, малость отдохнув, он поднялся и сошел в овраг.

Он думал, что они дождутся его и пойдут, однако они не вставали. На краю дороги с прежним озабоченным видом сидел Бритвин, рядом переобувался Маслаков. Данила, хватаясь руками за ветки, полез к ручью напиться. Занятые разговором, они, казалось, не обратили на Степку никакого внимания.

– Реку под Круглянами знаешь?

– Ну.

– Так вот там.

– Длинный тот, деревянный?

– Он самый.

– Вряд ли удастся, – подумав, сказал Бритвин, по своему обыкновению глядя вниз. – Там охрана.

Степка сообразил, что разговор касался задания, и исподлобья внимательно поглядывал то на Бритвина, то на командира. Маслаков, поддев носком, стянул с ноги второй свой сапог и подвернул портянку.

– Охраны нет. Вчера пришел Голенкин из разведки. На мосту пусто, – спокойно

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
объяснил он и, надев сапог, мягко притопнул на дороге.
Степка подумал, что сечь мост, наверно, будет непросто. Даже если и нет охраны. За низинкой там местечко с полицией, откуда этот мост виден как на ладони. Но теперь своим несогласием с Маслаковым парень не хотел поддерживать Бритвина и молчал.

– Днем, может, и нет. А ночью? – сказал Бритвин.

– А зачем нам ночь? Днем и подпалим.

– Под носом у бобиков?

– А что? Дерево сухое, вспыхнет, как порох. Только бы бензина побольше, – бодро сказал Маслаков и повернулся к Степке. – Толкач, давай драгунку.

Степка подал винтовку, командир вынул из-за голенища финку и ее черенком начал тихонько клепать у основания мушки.

– Все дело в том, как обмозговано. А обмозговал ты неважно. Хитрости мало! – недовольно говорил Бритвин.

– Какой там хитрости!

– Такой, чтоб сказал и сразу было ясно, что удастся.

– Без внезапности никакая хитрость не поможет. Внезапность нужна.

Слушая неторопливый, не очень согласный разговор, Степка забыл уже о первом невольном сомнении относительно замысла Маслакова и поднял на Бритвина обиженно-злой взгляд:

– Не такие взрывали! Только щепки летели. И не трусили!

Он преднамеренно сказал так – грубо и почти вызывающе, – чтобы задеть Бритвина. Правда, это выглядело несколько наивно и самонадеянно, но он уже ощутил в себе волну холодок решимости и знал, что не отступит.

Бритвин нахмурился:

– Кто это – взрывали?

– А мы!

– Гляжу, умные очень! – язвительно сказал бывший ротный.

Он заметно осторожничал, может, хитрил, утрачивая свою привычную командирскую самоуверенность, недавно еще удерживавшую Степку на расстоянии. Почувствовав это, Степка пошел напропалую, лишь бы досадить Бритвину:

– Да уж за свою шкуру дрожать не будем!

Из оврага, шурша в кустарнике кожухом, выбрался Данила и прислушался к разговору.

– Что ж, посмотрим! – вдруг зло сказал Бритвин. – Смотрите.

– Ладно, будет вам! – прикрикнул Маслаков. – Придем, осмотримся, решим на месте. Держи!

Не вставая, он бросил Степке винтовку, которую тот ловко ухватил за ложу.

– Лишь бы дождя не было, – поглядел в небо Маслаков.

Остальные, кроме Бритвина, тоже подняли головы. Белесая поволока там вроде сгущалась, край неба за оврагом подозрительно синел – похоже, в самом деле, собирался дождь.

– Что-то хмурится, – неопределенно сказал Данила.

Маслаков энергично встал на ноги.

– Ну, потопали! Данила, бери канистру!

Глава пятая

Они выходили из Гриневичского леса. Ельник редел, видно, кончался, шире раздалось небо над головой, уже рядом была опушка. Вдруг Маслаков коротко бросил: «Постойте!» – шагнул с дороги и скрылся в сплошной чащобе молодого подлеска. Остальные остановились на краю дороги. Данила, отсапываясь, поставил канистру и сел, где стоял. Бритвин настороженно глядел в подлесок. Степка, положив на траву винтовку и опустившись на колени, принялся затыкать проводом сапог. Но не успел он завязать узел, как из ельника донеслось:

– Сюда давай!

Они встали и полезли в молодой еловый подлесок, источавший резкий смолистый запах. Раздвигая неподатливые колючие сучья, Степка через минуту вылез на более просторное место. Тут уже был край леса. Над молодой хвойной порослью, убегавшей по пригорку вниз, возвышались две толщенные, увитые прядями мха ели с разлапистыми сучьями. Возле ближней из этих елей, склонив голову, стоял Маслаков.

– Давайте подправим скоренько.

В земле неглубокой впадиной наметилась несвежая, наверно прошлогодняя, могила. Небрежно накопанная земля осела, края могилы обсыпались. Маслаков начал сапогами сгребать к ней песок. Данила поставил канистру.

– Что, знакомый? – спросил Бритвин.

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Двое наших: Кудряшов и Богуш. Осенью в Староселье на засаду нарвались. Кудряшова на месте в лоб, Богуш по дороге умер.

Степка прислонил к еловому комлю винтовку и без лишних расспросов подался к командиру. Грести песок сапогами он не решился, опасаясь вовсе остаться разутым, и начал руками разравнивать его по форме могилы. Данила с Бритвиным стояли поодаль.

– Ну что? – вскинул голову командир. – Давай, Данила, дерна поищи. Обложить надо.

Данила молча вытащил из ножен на ремне немецкий штык-тесак и вразвалку неохотно поплелся в заросли. Бритвин опустил под елью.

«Падла! – подумал Степка, шлепая ладонями по волглой земле. – Боится руки запачкать. Начальничек!»

Пока они вдвоем возились с могилой, Данила в поле кожуха принес три куса дерна, вывалил рядом. Маслаков приложил дерн к краю могилы, но его было мало. Тогда под елью нетерпеливо поднялся Бритвин.

– Дай штык! А то провозишься тут...

Данила отдал штык, и он решительным шагом двинул к опушке. Несколько помедлив, Данила пошел следом. Степка подумал, что и ему следовало бы включиться в эту работу, но прежде, чем отправиться туда, он сказал Маслакову:

– Знал бы, не пошел.

– А что?

– Да этот... Бритвин.

– Ничего, – сказал командир, помолчав. – Не обращай внимания. Придирчивый, зато головастый.

Все по разу они принесли десяток дернин, и Маслаков кое-как обложил могилу. Получилось совсем не плохо – почти как на кладбище.

– Вот и порядок! Славные ребята были, – будто оправдываясь, сказал Маслаков.

Бритвин поморщился:

– На всех славных время не хватит.

– Сколько того время? Полчаса.

– Бывает, что и полчаса дорого. Особенно на войне, – сказал Бритвин, полой шинели вытирая ладони.

Степка невзначай глянул на его руки – грубые и натруженные, с корявыми пальцами, на которых бросались в глаза толстые обломанные ногти. Уже без недавней неприязни парень подумал, что, возможно, Бритвин и не такой уж плохой, как показалось вначале. Но чувство неприязни к нему окончательно еще не исчезло.

Бритвин между тем поправил на плече свою СВТ с обшарпанной ложей и, сделав шаг, оглянулся, поджидая Маслакова.

– На диверсиях время – золото. Что-что, а это я знаю. Двенадцать поездов рота фуганула. Вон от Клепиков до Замошья под насыпью – сплошь моя работа.

– Под насыпь старо, – сказал Маслаков. – Что под насыпь пускать – в выемках надо.

Бритвин, будто отстраняя его, двинул рукой.

– Ничего, и так неплохо.

Спорить с ним Маслаков не стал. Поработав, он разогрелся и, сняв с телогрейки ремень, подпоясал им гимнастерку. Степка украдкой поглядывал на Бритвина и думал, тоже – его работа! У них в отряде еще зимой было приказано диверсии на дорогах устраивать только в выемках, потому что спущенные под откос поезда останавливали движение на полдня, не больше.

– А насчет могилы, – сказал Маслакову Бритвин, – так можно бы дядькам поручить. Дядьки бы позаботились.

– Очень нужно.

Они остановились возле канистры, за которую теперь не спешил браться Данила, и Бритвин, наверно, понял, что пришла его очередь.

– Неудобно же! Как вы ее несли? – удивился бывший ротный, приподнимая посудину. Оглянувшись вокруг, он подобрал кривоватый еловый сук и продел его в ручки канистры.

– Так будет лучше. А ну, берись, парень!

Это относилось к Степке, который, однако, не тронулся с места: дураков нет, он свое отнес. Если что, пусть берется Данила.

– Ваша очередь. Ну и несите!

– А ты попробуй!

Но Степка не хотел и попробовать, и тогда за конец палки взялся Маслаков. Правда, скоро обнаружилось, что командиру нести неудобно: сползал с плеча автомат, левой же рукой Маслаков двигал осторожно, не разгибая в локте, – наверно, еще болела. Тогда вперед вышел Данила.

– А ну дайте!

– Что, во вторую смену? Пожалуйста, – улыбнулся Маслаков.

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Взяв канистру, Данила с Бритвиным пошли по склону пригорка вниз, рядом шагал командир. На опушке, едва высуновшись из леса, он остановился: впереди была деревня – за не вспаханными еще огородами серели соломенные крыши хат, хлева, на выгоне паслись гуси, и трое ребятишек сидели верхом на изгороди. Минуту вглядевшись сквозь редкий еще кустарник, Маслаков круто повернул в сторону, в ольшаник. В ольшанике они скоро наткнулись на изрытую кротоми тропинку, которая вывела их к ручью на лугу. Ручей перешли по двум хлюпким жердям. Потом опять подвернулась малоезженная полевая дорожка, приведшая их к густой стене мрачного ельника. Хотели было сразу скрыться в нем, но дорога с километр тянулась у самой опушки вдоль поля, ярко зеленевшего густыми полосками озими. Война войною, а крестьянская душа без земли не могла: в деревнях и пахали и сеяли. Маслаков непрестанно посматривал по сторонам, оглядывался. Бритвин далеко не отрывался от него, жилистый рукастый Данила неслышно шагал в своих легких на ходу лаптях. Степка, отстав, тянулся за всеми – на ноге сбилась портянка, вроде натирала пятку, в намоченных на болоте сапогах надоедливо чавкало.

Наконец дорога опять повернула в лес, под навись еловых ветвей, и у всех отлегло на душе: лес был союзник.

– Ну, больше деревень не будет, – вздохнул Маслаков. – Загораны спалены, Ковши хуторские лесом обойдем.

– Прохвичи еще, – низким, глуховатым, как из бочки, голосом отозвался Данила.

– Прохвичи останутся в стороне. За речкой.

– За речкой, ага. Племянница там замужем.

Это был намек, который таил в себе немаловажный смысл. Если у кого в деревне случались знакомые или, что еще лучше, родственники, то это обещало многое, и не для одного только лесного родича. Маслаков, конечно, понимал это не хуже других и, наверно, поэтому минуту молчал, что-то прикидывая.

– Потом. Как назад пойдем. Не теперь.

– Теперь нет. Где уж теперь, – согласно подхватил сзади Данила.

Неожиданно для себя Степка почувствовал легкое разочарование: зайти в деревню всегда было кстати, хотя и с риском наткнуться на бобиков или немцев – все равно после опостылевшей лесной жизни властно влекло к людям, немудреному домашнему уюту, которого Степка не знал много лет. Эта тяга жила в нем с раннего детства, когда во время коллективизации он потерял родителей, не исчезла в детдоме, в школе ФЗО и особенно усилилась за войну в его бесприютных партизанских блужданиях по лесу.

Наступая на осклизлые, ободранные колесами корни елей, они обошли широкую, с застоявшейся водой лужу на дороге, и Маслаков оглянулся.

– Если управимся, ночью заскочим. Так тому и быть, – сказал он. Данила прибавил шагу, они с Бритвиным догнали Маслакова, и Данила подхватил разговор, который явно интересовал его:

– Если управимся, то... Пасха же.

– Пасха, да. А вообще лучше не заходить, – сказал Маслаков. – Меньше беды будет.

Бритвин отчужденно молчал, а Данила и тут согласился:

– Оно так.

– Как-то зашли, едва ноги унесли, – вспомнил Маслаков. – Другие предложили, а я, дурак, и послушался.

– Как говорится, других слушай, а своим умом живи.

– Закурить нет?

– Есть малость.

– Давай подымим. Чтоб веселей жилось.

Носильщики остановились, осторожно опустили наземь канистру. Данила откинул полу кожуха и начал перебирать что-то в карманах суконных латаных-перелатаных штанов. У Бритвина тем временем нашлась и бумажка – страничка из школьного учебника по геометрии. Стоя поодаль, Степка устало глядел, как они отрывали от нее по клочку, и Данила бережно отмерил каждому щепотку самосада. Степка тоже курил, когда было что, теперь же ему не предлагали, и он не просил, зная цену табаку. Особенно для таких курильщиков, как Данила.

– Прикурим от немецкой, – объявил Маслаков, засовывая руку за пазуху. Нашупав, он достал плоскую, будто пачка от иголок, бумажку со спичками, бережно отделил одну и чиркнул о терку, что почти испугало Данилу.

– Зачем?... У меня ж кресало! – спохватился он. Но спичка уже вспыхнула, и он первым прикурил из пригоршней Маслакова. – Испортил, ай-яй!

– Ничего! На Круглянский мост хватит, – успокоил его командир.

Они с наслаждением затянулись и будто веселей даже двинули по поросшей молодой травкой дороге. Наверно, возвращаясь к прерванной мысли, Маслаков обернулся к носильщикам:

– Про комбрига Преображенского слышали?

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Того, что осенью немцы расстреляли? – не вынимая изо рта сигарки, спросил Бритвин.

– Какой осенью? Его еще летом расстреляли.

– А говорили, сам в плен сдался, – ненастойчиво возразил Бритвин.

Маслаков остановился.

– В плен! Языки бы тем повыврять, кто так болтает.

– Не знаю. Слышал, кто-то рассказывал. Я же в их отряде не был.

Маслаков бросил беглый, все замечающий взгляд вперед, куда уходила эта извилистая лесная дорога, огляделся по сторонам. В лесу везде было спокойно, лишь в ветвях возилась-потенькивала невидимая птичья мелкота да вверху на посвежевшем ветре привычно шумели верхушки елей. Внизу же, в узком кривом коридоре между деревьями, было тепло и тихо, комары еще не появлялись. Время близилось к вечеру, солнца не было видно, над лесом медленно плыла серая навесь облаков.

– Был кто в Шнурах?

Степка впервые слышал такое название, да и Бритвин, наверно, тоже. Они молчали, один лишь Данила, что-то припоминая, заморгал глазами.

– Тех, что за Лесовичами?

– Тех самых, – подтвердил командир. – Славная деревушка на горе при лесочке. Люди попались хорошие, золотые люди. Через их доброту и погорели.

Глава шестая

– Всякая доброта бывает. Другая хуже злобы, – сказал Бритвин, спокойно шагая вплотную за Маслаковым. Тяжести ноши он вроде и не чувствовал, шел ровно и прямо, и Степка подивился его находчивости: на палке канистра, казалось, нисколько и не весила.

Маслаков на реплику не ответил и продолжал после паузы:

– От было, чтоб его черт. Нас-то двое выскочило, а комбрига забрали. Забрали и повели, а мы лежали, как олухи, в картошке и не знали, что и думать. На Палик тогда шли. Знаете Палик? Озеро вон за Лепелем, часть нашего отряда базировалась там. Двое суток лазили по болотам, вымокли, сухой нитки на теле не осталось. Опять же и харчишки вышли. Надо было запастись побольше, да у тех, что оставались, тоже негусто было. Думали, где-нибудь в пути перехватим...

– А много вас было?

– В том-то и дело, что мало. Трое всего.

– Ну, для троих жратва не проблема. В любой хате...

– Ага, в любой хате! Сунулись в одну деревушку – собаки такой хай подняли, что пришлось в лес повернуть. В другой полицаи свадьбу гуляют, какого-то бобика женят, – понаехало, на улицах полно, пьянка, дым коромыслом. Думали, потерпим, оставалось километров тридцать, кабы не заблудились. Заблудились, однако, в болотах, изнервничались, переругались. А тут комары жрут нещадно, вокруг то ольшаник, то трясина, камыши, и силы без жратвы уже к концу подходят. Да, значит, было нас трое: я, комбриг Преображенский и лейтенант один, тоже из кадровых, – от самой границы все возле комбрига ну вроде за адъютанта, хотя сам такой же рядовой, как и комбриг этот. Оно и неудивительно: комбриг в своей танковой бригаде был командир, а с пятью танкистами прибился в отряд – чужой, пришлый человек. Отрядик из местных, хотя были и красноармейцы, из окружений которые, командиром Барсук. Вон тот самый, что с тишковским отрядом в рейд пошел. До войны был председельсовета. Не гляди, что в военном деле ни гу-гу, зато все деревни ему знакомые, а в деревнях тьма мужиков свои. А что комбриг танковых войск без войска? Всей и цены, что пистолет в кармане да граната на поясе. Правда, Преображенский и не стал кичиться, как некоторые. Барсук принял, спросил, какую комбриг должность хочет. А какая там должность в отрядике, где сорок человек? «Хоть рядовым, лишь бы немцев бить». Так и пошел рядовым в наше отделение. А я отделенным. Понижение, конечно, ведь действительную помкомвзводом служил, старший сержант был...

– Велика шишка! Я вот старшим лейтенантом был – и ничего! – Бритвин довольно оглянулся на Данилу, ища внимания. – Полгода рядовым проходил.

– Да, конечно. Но не в том дело. У меня тоже такие вояки собрались, что не стыдно и отделенным побыть: один секретарь райисполкома, милиционер из Полоцка, два лейтенанта и этот комбриг Преображенский. Сначала думал, будет пререкаться, палки в колеса ставить. Опять же, как мне, по возрасту вдвое моложе его, командовать таким? Потом оказалось, еще и академию в Москве окончил. Да ничего, приняхались. Был тихий, молчаливый, как всем, так и ему. Сам в очередь на посту

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru стоял, шалаши строил. Разве что наган ему лейтенант чистил. И все-таки не ровня нам, молодым, в этом мы скоро убедились. Человеку за пятьдесят, как ни тщится-старается, а видно: силы не те. Тот раз ему особенно плохо было. Оказывается (проговорился потом уже, как в баньке лежали), радикулит донял. И правда, тянет все ногу и морщится. Тогда мы, двое помоложе, и то без ног остались, а ему где уж! Начал отставать. Лесок прошли, три раза останавливались, поджидали, а как же: отстанет, потеряется, пропадет. Лейтенант уже взял у него и сумку – больше не дает ничего. «Никакой поблажки, – говорит. – Нечего баловать тело, надо его подчинить воле, как новобранца фельдфебелю»...

– Правильно! Таков закон армии. А как же, – вставил Бритвин.

– Закон законом, а под вечер совсем плох стал наш комбриг. Я и то едва бреду перелесками. А тут еще дождь заладил. В кустарнике мокрядь. Начало смеркаться, вышли на опушку и тут – деревня. За болотцем на пригорочке хаты, дым стелется над огородами, и так вареной картошечкой пахнет...

– Знакомая картина, – усмехнулся Бритвин.

– Ну. Прислонился я к березе, молчу. Притопал комбриг с лейтенантом. Лейтенант был сильный, спортивный парень, кадровый командир, а и тот приуныл. Комбриг же дотопал и наземь – мол, подождите, ребята. Известно, человек занемог, приустал, да радикулит еще этот. А деревушка – вот она, и так дразнится дымком, теплом, уютom. Коровка, помню, замыкала, наверно, хозяйку учуяла – доить шла. Гляжу на лейтенанта, тот на комбрига, а комбриг и говорит: «Пожалуй, рискнем!» Ну, известное дело, сначала разведать – а вдруг немцы? Пошел лейтенант, недолго пробыл, вижу, возвращается бодро так и ведет двух дядьков. Один пожилой, седой, но еще в силе, такой, знаете, дед-лесовик, другой помоложе мужчина, в поддевке. Поздоровались сдержанно так, но по-хорошему, повели всех в село. Говорят, никого, мол, нет, сплошь свои, перекусите да посушитесь. Чувствуем, не к добру это, но больно уж опротивело на пустое брюхо по мокроте. Авось ничего не случится.

– Вот тут-то вы и прошляпили, – сказал Бритвин и повернулся к Даниле. – Давай поменяемся, а то... Ставь на дорогу.

Они поставили канистру. Бритвин, помахивая рукой, зашел с другой стороны ее. Маслаков терпеливо подождал, пока они взяли ношу.

– В том-то и дело, что тут ничего и не случилось. Люди славные оказались, дед – бывалый солдат, все про ту, германскую, рассказывал. Бабы – старуха и две молодницы – собрали на стол, не хуже, чем в праздник. Понятное дело, деревушка глуховатая, немцы пока не трогали, партизаны еще не наскучили, а главное – один сын их тоже в армии. Сняли мы все верхнее, мокрое, бабы начали сушить на печи да перед огнем. И перекусили. За стол с нами и еще трое мужиков село, дед говорит, не бойтесь, мол, все люди свои. Ну ладно, мы не боимся, осмелели. Слово за слово, разговор, конечно, про войну, про немца. Комбриг им целую лекцию прочитал. Ну, наелись, немного подсохли, комбриг и говорит: «Вздремнуть бы часок». Дед огородами отвел в баньку возле картофляника. Темно, тесно, горчит от прокуренных стен, веничком пахнет. Завалились на полки и спать. Охраны не надо, дядьки сами взяли охранять. В их честности мы не сомневались. Утречком сговорились двинуть. Показалось, только вздремнул, слышу: беда! В распахнутой двери дед: немцы! В баньке еще темно, окошко, однако, светлеет – рассвет. Подхватились мы, да в предбанник, потом за угол баньки. Да слышим, дед сзади: «И там немцы!» Окружили, значит. Куда податься? Попадали в картофляник, лежим. Картошечка уже отцвела, ботва рослая, укрывает. Воткнулся в комбриговы сапоги, со сна ни черта не соображаю, жду... Вот черт, потухла. У тебя горит?

У Бритвина горело, они опять остановились под нависью еловых лап. Маслаков прикурил, затаился и умолк. Остальные тоже молчали.

– Вот так! – продолжал Маслаков. – Утречком тишина, все звуки наверху, выглянуть нельзя, а так далеко слышно. На дворе крики, угрозы, плач. Мы соображаем: так просто наскочили или нас ищут? Неужто кто предал? Оно ведь так: какие бы хорошие люди ни были, а сволочь завсегда найдется. Донесла. Как потом выяснилось, баба одна. Зло за что-то имела на дедовых моладаек, ну и слетала по ночи в местечко, привела полицаев, фельджандармов – канты на погонах крученые такие. А тут, как на беду, комбриг оборачивается и шепчет: «Гимнастерка осталась». Я чуть не обмер, но точно: комбриг в накинутаой палатке, а гимнастерка в хате. Еще когда ужинали, тетка на печи расстелила: пусть, мол, к утру высохнет. Высушила на свою голову. Да, гимнастерку скоро нашли, и хотя в ней ничего не было – комбриг документы, конечно, переложил, – сообразили гады, что напали на большого начальника. Откуда узнали, черт их поймет. Может, знаки от ромбов остались. Ромбы-то комбриг давно снял, но если взглядеться, то места под ними будто примята немного. Ну и взялись. Перевернули всю хату, сараюшки, чердаки; полчаса мы слушали, как они там грохочут, кричат, швыряют. Двое совсем близко прошли к баньке, а там дверь настезь, пусто. Попробуй догадайся, что мы в

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
двадцати шагах в картошке лежим. Думают, наверно, в тайнике каком скрылись. Ищут тайник. Часа за два все перевернули – ни шиша. Дед отпирался, отнекивался, а как гимнастерку нашли, смолк. Кричат: «Говори, куда бандитов упрятал, иначе всех прикончим и хату огнем пустим!» А дед покорно так отвечает: «Воля ваша. Вы – сила».

Возле дороги в лесу проглянула поляна – продолговатая зазеленевшая лужайка с почерневшей копенкой сена поодаль. Маслаков, приостановясь, умолк, бегом огляделся, они быстрым шагом перешли лужайку. Все уже докурили, только командир сжимал в пальцах окурочек, который давно не горел.

– Опять потухла. Что такое?

– Говорят, жена изменяет, – сказал Бритвин.

– До жены дожить надо.

На ходу командир сунул окурочек за отворот шапки. Они теперь шли все вместе. Маслаков выглядел заметно моложе Бритвина, хотя ростом был его выше, да и шире в плечах, движения его отличались легкостью и сдержанной неторопливостью крепкого, уверенного в себе человека.

– Да, значит, лежим. Я как-то словчился, одним глазом выглянул из ботвы – выстроили их всех под стенкой в рядок: деда, старуху, обеих молодых и двух ребятшек. Бабы голосят: они-то не знают, куда мы из баньки шаснули, один дед знает. А дед молчит. Тогда те сволочи к бабам: «Где бандиты?» Бабы в голос: «Паночки дороженькие, да разве ж мы знаем? Были и ушли, мы не глядели куда». – «Ах, не глядели! А тайник где?» – «Нет у нас никакого тайника, хоть убейте – нет!» – «Убить просите? – говорит один. Полицай, наверно: слышно, по-здешнему разговаривает. А может, переводчик. – Нет, мы сначала ваших щенков перебьем». И тут – бах! У меня все оборвалось внутри – что надумали, гады! Слышу, и комбриг замер, напрягся. А на дворе крик, плач. Так и есть: самую малую, самую крайнюю в шеренге. А сквозь крик опять тот же голос: «Скажешь или нет?» Потом рассказывали, подсказывает к мальчишке и пистолет ко лбу. А что ему – застрелил бы и его и всех, лишь бы выслужиться. Тем более такая добыча – комбриг. И что думаете? Вдруг комбриг подхватился и к баньке. А лежал он немного за банькой, как вставал, со двора, наверно, не видно было. «Стой, гады!» – говорит. Мы съжились в картошке, ну, думаю, все пропало. А он этак решительно на стезю и к ним. Фрицы, рассказывали потом, во все стороны с испугу: кто за дрова, кто в хлев, а крикун тот с пистолетом раз на колено и пистолет на руку. Ну точь-в-точь как до войны в Осоавиахиме учили. Изготовился, значит. А комбриг: «За что ребенка, ироды? Я комбриг, берите!» Ну и взяли. Взяли и опять кинулись к баньке – человек пять. И туда и сюда – нигде никого. Комбриг им толкует: «Зря стараетесь, остальные в лесу». Поверили. Как не поверить, если человек на такое пошел. И что думаете? Всех разогнали прикладами, деда, правда, тоже увели, но через неделю выпустили. Девочку схоронили. А комбрига, рассказывали потом, в Лепельском СД расстреляли во дворе. Даже и отправлять куда не стали.

– Да-а, – сказал Бритвин. – Сердобольный комбриг. А если бы они и его схватили, и семью прикончили? Тогда как?

– Знаешь, – подумав, сказал Маслаков, – тут дело совести. Одному хоть весь мир в тартарары, лишь бы самому выкрутиться. А другому надо, чтоб по совести было. Наверно, свою вину чувствовал перед людьми. Фактически же его гимнастерку нашли.

– При чем гимнастерка! – проговорил Бритвин, имея в мыслях что-то свое.

Глава седьмая

Остаток пути, заметно притомившись, шли краем ольшаника. Сквозь негустой кустарник то и дело проглядывала широкая луговая пойма, дружно и ярко зеленевшая первой весенней травой. Где-то там, петля между болотистых берегов, текла речка Круглянка. Ее, однако, не было видно отсюда, зато Кругляны показались еще издали – длинный ряд разномастных крыш на пригорке с дорогой. Чтобы попасть на мост, надо было зайти с другой стороны, и Маслаков, переговорив с Данилой, круто взял по перелеску вверх, в обход. Теперь они вдвоем шли впереди, канистру же снова несли по одному (в кустарнике с палкой было не развернуться), пронес немного Бритвин, и последнему она снова досталась Степке.

Данила, знавший здесь все тропинки, как-то странно менял направление: сперва шли ольшаником, потом, описав дугу, залезли в овраг, выбрались по его крутой стороне и скрылись в молодом густоватом березнячке, будто обрызганном нежной зеленью ранней листвы. Затем, торопливо перебежав пыльный лоскут пашни, сунулись в сухой, полный смолистых запахов сосняк. Степка с канистрой опять отстал и из последних сил упрямо продирался в зарослях, опасаясь упустить из виду товарищей.

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Они взбирались на песчаный сухой пригорок. Рослый и густоватый на опушке молодой сосняк выше измельчал и редковато рассыпался по склону вперемешку с березками и можжевельником. В этом соснячке Степка и догнал их. Поскидав шапки, развалясь, все трое устало расселись на склоне.

– Ну, дотащил? – улыбочиво жмурясь, спросил Маслаков. – А боялся.

– Чего мне бояться? Пусть фрицы бояться, – сказал Степка, плашмя кладя на землю канистру.

У него от усталости подкашивались ноги, но он заставил себя сдержаться, снял из-за спины и бережно положил наземь винтовку, расстегнул пропотевший мундир – восемь пуговиц от воротника до пояса – и затем уже, выбрав помягче местечко, присел.

– Ну, давай, дави ухо. А я понаблюдаю, как там мост. Только тихо чтоб!

Маслаков встал, взял свой автомат с завидно новенькой лакированной ложей и развалисто пошел вверх.

Оставшись без командира, трое его подчиненных почувствовали себя будто свободней. Данила, став на колени, распоясался, стащил с плеч кожух и блаженно развалился на нем, предусмотрительно вздев на руку ремень куцега обреза. Степка также откинулся на здоровый, без чирьев бок, задрал голову, поглядел в небо. Там по-прежнему громоздилась туманная мешанина облаков, временами повевал свежаватый, с сыростью ветер – похоже было, погода всерьез портилась. Где-то в стороне, наверно, на недалекой дороге, едва слышно простучала колесами и умолкла повозка. Было тихо. Правда, в кустарнике неподалеку, хлопая крыльями, долго и неуклюже усаживалась на сосенке ворона. Кажется, там были и еще: в зарослях слышалась тихая, но настойчивая птичья возня. Данила как будто спал, прикрыв шапкой волосатое лицо, глубоко и спокойно посапывая. Бритвин, недолго посидев рядом, поднялся и с унылой озабоченностью на сухом лице пошел вверх, к Маслакову.

Степка полежал немного и сел. Все настойчивей начала напоминать о себе гнетущая пустота в желудке: хотелось есть. Замусоленная сумка Данилы лежала в трех шагах от него, наверняка там было что-то съестное, и парень отвел глаза в сторону, чтобы не смотреть на нее. Он только подумал, что было бы здорово пустить дымом тот мост и завалиться куда-либо в деревню – столько вокруг знакомых жителей, было где поесть куличей, яиц, да и выпить. Как бы там ни было, а все-таки пасха, деревни празднуют, как праздновали пять и пятьдесят лет назад; только вот им, лесным бродягам, не до того: задание, дорога, проклятая эта канистра, резко и противно вонявшая рядом. Впрочем, на кого пенять? Пошел сам, никто не просил; с первой военной весны убежал в лес, прихватив чужой карабин, повстречал окруженцев, и началась его беспокойная лесная жизнь. Жалел только, что перед уходом не прихлопнул негодяя Володьку. Сколько Степка наслушался от него угроз, натерпелся унижений и издевательств, сколько перетаскал ему самогона! Сам полицей был трусоват, далеко из местечка выходить боялся, а его, безбатьковича, приبلудного чужака, аккурат и присмотрел для такого дела.

Вспоминая то время, Степка всякий раз приходил в волнение от давней, застаревшей обиды, как бы снова переживая страшную зиму своего бесправного существования – без документов, на подозрении, среди чужих людей. Но и в Витебске жить было невозможно – завод закрылся, общежитие молодых строителей реквизировали под немецкое учреждение, и, чтобы не пропасть с голоду, он отправился в деревню под Лепель, где, помнил, была какая-то родственница, полузабытая тетка Степанида. Идти пришлось все время пешком, в конце поздней ненастной осени; его парусиновые туфли скоро разлезлись, он простыл и однажды, заночевав в крайней от оврага хатенке с обмазанными глиной углами, так и не поднялся утром. Участливая к чужой беде бабка Устинка выходила его, отогрела под кожушкой на печи, отпоила липовым наваром, и он дальше уже не пошел, волей-неволей застрял в этом местечке над голым нечистым оврагом, куда сливали помой и сбрасывали перестрелянных полициями собак. Поправившись, чтобы не быть постылым нахлебником, надевал бабкины развалюхи-сапоги, кожушок, брал у соседей санки и ездил через поле в лесок за хворостом, а то за кусок хлеба носил местечковцам воду, добывал из буртов картошку, которой тогда немало зазимовало в поле. Так кормился сам и кормил бабку Устинку. А по соседству, через три двора, отъедался в примаках бывший лейтенант Володька, который, просидев зиму у сельмаговской продавщицы, по весне записался в полицию и начал шутя и всерьез придирается к Степке. Он все донимал парня его незаконным жительство, тем, что у того не было документов, то и дело напоминая, что таких, как он, приказано собирать по деревням и отправлять в район. И если он, Володька, не арестовывает его, так лишь по своей доброте, которая, однако, не бесконечна. Полицей вымогал у Степки множество разных услуг: то сходить к инвалиду-соседу что-нибудь выведать, то утречком покараулить дорогу на выезде из местечка, напилить дров и почти каждый день добывать самогон. Степка опасался Володьки и до поры до

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru времени подчинялся, хотя так возненавидел его, что этой его ненависти не осилила и острая жалость к Устинке. Однажды, пока полицай после ночного дежурства умывался на дворе у порога, Степка взял со скамейки его заряженный карабин и вылез через дыру в сенях, чтобы никогда больше сюда не возвращаться.

...Маслаков с Бритвиным задерживались, не шли и не звали, Данила вроде уже и похрапывал под шапкой. Степка ногой раза два тихонько толкнул его лапоть – Данила прохватился, в сонном недоумении глянул туда-сюда и, успокоясь, снова лег на спину.

Степка подкрутил на сапоге провод, поковырял щепкой землю, потом занялся винтовкой. Сначала приоткрыл затвор – рукоятка упруго и беззвучно повернулась на скосе, – из щели магазинной коробки с готовностью выглянули острые носки пуль. Не досылая их в патронник, Степка осторожно задвинул затвор. Потом достал сточенный довоенный сельповский ножик с плоским металлическим черенком и от нечего делать поскреб ложу. Из-под грязи, остатков счерневшего лака и смазки полосами засветилось крепкое сухое дерево, и Степка почти с увлечением взялся скоблить-обновлять грязный почерневший приклад.

Бритвина все не было, а Данила, оказывается, больше не спал – полежал несколько минут и сказал глухо:

– Чего они там?

– Кто?

– Да воронье. Сходить: может, люди...

Действительно, все в том же месте в чащобе слышалась птичья возня, по временам долетало короткое лопотанье тяжелых вороньих крыльев, где-то там стрекотала сорока – верный признак лесной тревоги. Степка поднялся и с винтовкой наготове осторожно полез в чашу.

Еще издали в кустарнике чувствовалось присутствие, кроме воронья, и еще кого-то, хотя вряд ли тут мог быть кто-либо живой. А вороны все копошились, одни взлетали на вершины сосенок, другие оттуда решительно опадали вниз; издали слышалась характерная трупная вонь. Степка сухой палкой швырнул в птичий грай:

– Кыш вы!

Вороны нехотя поднялись с земли, захлопав в ветвях крыльями, но далеко не полетели, одни начали кружить над опушкой, другие, недовольно прокаркав, шумно рассаживались на сосенках поблизости. Сорока застрекотала сильнее и беспокойнее, но это уже на него. Степка раздвинул сосновые лапки и остановился, охваченный не страхом, а какой-то брезгливой нерешительностью.

Между сосенок на усыпанной хвоей земле, из которой кое-где пробивались желтые искорки курослепа, лежал человек: почерневшие босые стопы, согнутые в локтях иссохшие руки, пыльные серые лохмотья одежды – все какое-то приплющенное, слежавшееся, давно неживое. На том месте, где предполагалось лицо, восседал огромный плечистый ворон.

– Кыш!

Ворон оглянулся, нехотя переступил и, легко оттолкнувшись жилистыми ногами, взмахнул крыльями.

Кар-р-р-р, кар-р-р-р...

Затаив дыхание, Степка подошел ближе: труп был давний, возможно, зимний или даже осенний, неестественно плоский, будто втоптаный в землю. Одежда на нем как будто истлела. «Свой или чужой?» – подумал Степка, как вдруг увидел под ногами в траве серо-зеленый лоскут. Это была красноармейская пилотка, сухая и даже пыльная с одной и сыроватая с другой, от земли, стороны. Вся она стала уже никудашной, кроме разве красной эмалевой звездочки, под которой расплылось небольшое пятно ржавчины. Превозмогая брезгливость, Степка отвернул клапан и нашел там воткнутую в подкладку проржавевшую иголку, обмотанную ниткой; рядом можно было различить выведенные чернильным карандашом инициалы владельца. Вырвав звездочку, пилотку он швырнул в кусты.

Возвращаясь к Даниле, он думал, что звездочку надо хорошенько почистить, и тогда неплохо будет приколоть ее к шапке, а то за год партизанства он так и не добыл для себя никаких военных отличий. Впрочем, их немного было и у других; разве что у командиров, бывших армейцев, изредка попадались такие вот или чаще зеленые, а также самодельные жестяные звездочки.

Данила сидел на своем кожухе и, наверно, ждал, вглядываясь в его сторону. Степка, подойдя, небрежно махнул рукой (мол, убитый) и показал находку. Данила протянул широкую с узловатыми пальцами руку:

– А ну...

– Целенькая. Командирская, наверно.

Бережно взяв звездочку, Данила с любопытством повертел ее в руках.

– Да, это самое... Хороша.

И ничего не сказав больше, на глазах у парня сунул ее в карман своих латаных

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
суконных штанов.

– Это ж моя! – почти растерянно выкрикнул Степка.
Данила осклабил длинные прокуренные зубы:
– Гы! Была твоя, стала моя.
– Ты что? Отдавай!
Данила, однако, неподвижно сидел на кожухе и только наглогато ухмылялся.
– Давай!
– А не кричи! Вон командир идет.
Невдалеке закачались растопыренные ветви сосенок, и между ними появилась голова Маслакова.
– Толкач, ко мне!
– Давай! – с последней решимостью вполголоса потребовал Степка, но тут же поняв, что напрасно, подался к Маслакову. – Ну, погоди!
Маслаков повернулся, чтобы идти, как сзади, сгребая длинными ручищами кожух, сумку и обрез, подхватился Данила:
– Товарищ командир!..
Не понимая, в чем дело, командир остановился, потом сошел к партизану ниже. Когда Степка, немного подождав, тоже вернулся к нему, Маслаков уже прикалывал к шапке его звездочку.
– Ну, спасибо. Где взял?
– Вон Толкач подарил, – шуря глазки, с притворной невинностью сказал Данила.
«Вот падла!» – отходя, думал Степка. Для Маслакова звездочки было не жаль – Маслакову он отдал бы и шапку. И тем не менее ему стало почему-то неловко, будто даже обидно.

Глава восьмая

В сосняке заметно темнело, небо сплошь застилало облака, несколько капель холодом обожгли шею и руки – вот-вот начинался дождь. Первый весенний дождь, не холодный и не ветреный, ему, помнил Степка, когда-то радовались люди, потому что после все наперегонки зеленело, кустилось, пускаясь в рост.

Теперь же дождь не только не радовал, но даже встревожил их командира группы. Все в том же сосняке они взобрались на самую вершину пригорка и следом за Маслаковым опустились под крайней от поляны сосенкой. Тут же сидел Бритвин, неподвижно смотревший между сосновых ветвей вдаль.

Там были дорога и мост.

– Ну что? – озабоченно спросил Маслаков. – Не видать?

– Ни черта не разберешь. Если бы бинокль.

Все настороженно затаились, вглядываясь в ту сторону, где песчаная лента дороги, выскочив из леска чуть в стороне от этого пригорка, направлялась по насыпи к мосту – длинному неуклюжему сооружению из бревен, напоминавшему отсюда огромную длинноногую гусеницу, сползшую в реку.

– Надо идти, – сказал Маслаков.

– Теперь? – насторожился Бритвин, не отрывая взгляда от притуманенной непогодой вечерней дали.

– Ну а когда же? Пока дождь не разошелся. А то намочит – не разожгешь.

– Ну уж нет! – сухо сказал Бритвин. – Сейчас я не пойду.

– Можешь не идти! – начиная нервничать, бросил Маслаков и поднялся. – Шпак!

Данила привстал на коленях.

– Так у меня обрез!

– Ну и что?

– Так на двадцать шагов, не больше. И опять же мушки нет, – заговорил он каким-то не своим, будто виноватым, сразу заглохшим голосом.

Маслаков тихо, про себя, выругался и ухватил канистру.

– Толкач, айда!

Степка с готовностью встал, не скрывая неприязни, взглянул на сразу утратившего недавнюю нагловатость Данилу. Он отлично представлял ту опасность, которая подстерегала их еще засветло на голой дороге, но больше всего не хотел, чтобы его опасение увидели другие.

На ходу он забрал у командира канистру, они сошли ниже, продрались сквозь густые заросли опушки и оказались на краю луга.

Дождик все сыпал, мелкий, но спорый, пространство за рекой застлало туманом, в нем почти не приметно растворились мост, луговая пойма и весь берег с круглянами. Это было неплохо: издали на мосту их не увидят, только бы загорелось дерево.

Оставив Бритвина и Данилу на опушке возле дороги, они скорым шагом пустились по обочине. На ходу Маслаков несколько раз оглянулся, и во взглядах его Степка

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
уловил тревогу. Получалось не так, как задумано, риск увеличился, шансы на успех уменьшались. Впрочем, явной опасности пока не чувствовалось, ненастье неплохо укрывало их. Откладывать же вряд ли было разумно: если разойдется дождь, сколько понадобится ждать, пока мост высохнет. Опять-таки должна поспособить и пасха: полицаи ведь тоже не прочь попраздновать.

Степка едва поспевал за Маслаковым, оба они почти уже бежали, командир то и дело оглядывался, но на дороге вроде никого не было.

– Аккурат время такое, понимаешь? Днем охраны нет, а на ночь еще не выставили. Кабы не дождь, еще было бы светло...

Они все срывались на бег, но Маслаков намеренно сдерживался, видно, чтобы не отрываться от Степки или не вызвать подозрения, если кто появится навстречу. Автомат свой он держал наготове прикладом под мышкой. Степка винтовку нес на плече, веревка ее где-то на лопатке стягивала кожу, причиняя боль, но он не мог приостановиться, чтобы взять в другую руку канистру.

– Ты поверху, а я вниз. Польешь, а я подожгу. Только аккуратно, чтоб на землю не лилось. По бревнам старайся.

– Знаю.

– Крайнюю от воды опору. Загорится! Должна загореться. И поглядывай за мост. Чтоб из Круглян кто не нарвался.

– Ну.

В разорванный сапог Степки набилось песку, ногу опять стало тереть, он прихрамывал. Соснячок уже остался далеко сзади. Они были одни на пустой дороге, дождик упруго стучал по дорожной пыли, которая затхло воняла, занимаясь сверху мокрой осповатой коркой.

Мост был уже близко. По сторонам уже видны стали его перила, одно, обломанное с конца, свешивалось над водой. Насыпь стала повыше, дорога на ней потвердела, и Степка на ходу потряс сапогом, высыпая песок. Наверно, из предосторожности Маслаков перебежал на другую сторону. Ему уже пора было спускаться с насыпи, но командир медлил, сквозь дождик во все глаза приглядываясь к мосту.

И вдруг в дождливом тумане на совершенно безлюдном за секунду до того мосту невесть откуды появилась фигура.

Маслаков будто споткнулся, тотчас замедлив шаг. Степка также пошел медленней, ноги его наливались непонятной тяжестью и слегка подрагивали в коленях. Тусклый силуэт человека – не понять было издали – то ли стоял, то ли, едва шевелясь, двигался вдоль перил. Неужто кто-нибудь из поздних прохожих или, не дай бог, – охрана? Если охрана, то дело их дрянь. Они шли, катастрофически быстро приближаясь к мосту, потому что укрыться тут было негде, а бежать поздно: их уже увидели.

Тот, на мосту, вроде остановился возле сломанных перил и – это отчетливо передалось обоим – сквозь сумрак внимательно поглядел на дорогу. Они также пристально следили за ним, готовые схватиться за оружие, как тот вдруг вскрикнул и упал. Они остановились – показалось, он спрыгнул под мост или странным образом провалился под настил. Но тут же в сумерках остро сверкнуло – эхо винтовочного выстрела гулко всколыхнуло простор.

Это была наихудшая из неожиданностей, и они разом метнулись с дороги – Степка по одну, а Маслаков по другую сторону насыпи. Степка впопыхах сильно ушибся бедром о канистру и на боку сполз до половины скоса. Тут же он схватился за винтовку и только передернул затвором, как в двух шагах от него, брызнув песком, в насыпь ударилась пуля. Со стороны моста стреляли – торопливо и опасно, но того, кто стрелял, не было видно. Над дорогой лишь пронзительно дигало – наверно, пули прошивали воздух по ту сторону насыпи, где скрылся Маслаков. Но Маслаков там молчал, и Степка тоже замер, не решаясь до поры обнаруживать себя, и напряженно глядел в сторону моста. Он ждал момента, когда побегут, чтобы ударить в упор, наверняка.

Однако оттуда никто не показывался. После десятка выстрелов стрельба прекратилась, эхо заглохло за лесом, и все вокруг смолкло. Степка полежал еще, прижимаясь грудью к откосу, и вдруг подумал, что, наверно, он тут один, и это испугало его. Вряд ли Маслаков так долго оставался на той стороне – пожалуй, отбежал к лесу. Но тогда и ему надо подаваться назад. Мост, судя по всему, придется отложить – к мосту теперь не подступишься.

Вскочив на колени, Степка одной рукой ухватил канистру, другой винтовку и, скользя на мокрой траве, побегал за насыпь. Он ждал выстрелов, и они действительно раздались, опять часто и оглушительно: бах – диу-у-у-у, бах – диу-у-у... Но он скоро определил, что стреляли не по нему, и он упал, загнанно дыша, оглянулся. Насыпь тут стала вроде бы ниже, чем у моста, он увидел поодаль на дороге пригнувшийся силуэт – кто-то, будто крадучись, бежал, падал и тут же посылал в его сторону выстрел за выстрелом. Но полет пуль он перестал слышать, и это прорвалось в нем новым беспокойством: он уже понял, что полицаи стрелял в

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Маслакова. Значит, Маслаков там.

Но почему он не отвечает на выстрелы?

Степка бросил канистру и, почти не целясь, грохнул торопливым выстрелом навстречу фигуре. Было темно, совсем почти смеркалось, и фигура снова исчезла: упала или, может, скрылась за насыпью. После трех выстрелов Степка дослал в патронник четвертый патрон, но стрелять не стал, а вскочил и, пригнув голову, в три прыжка перемахнул дорогу.

В канаве он снова упал и затаился. Сзади, взбитое сапогами, поплыло облако вонючей пыли, в грудь и бока больно впились какие-то колючки, по шапке и спине легонько лопотал дождь. Но Маслакова и здесь не было видно ни сзади, ни спереди. Разве что командир успел уже уйти из-под обстрела? И все же какое-то подсознательное чувство подсказывало, что он у моста. Немного отдышавшись, Степка также подался туда.

Внимание его теперь раздвоилось: он ждал выстрелов, чтобы сразу упасть под насыпь, и, напрягая зрение, силился различить в темноте Маслакова. Он начинал понимать, что с командиром плохо, что ему наверняка попало. Но в таком случае он просто не знал, чем можно помочь ему и как его спасти тут, под носом у охраны. Боясь самого худшего, Степка, однако, надеялся еще, что, может, Маслаков притаился и он его скоро увидит.

И правда, он скоро заметил его – в сгустившихся дождливых сумерках командир неподвижно распростерся под насыпью. Еще издали Степка понял, что его подстрелили. Похоже было, Маслаков свалился еще на скосе и сполз до низа. Он так и лежал теперь, закинув вверх руки, неестественно вывернув в коленях ноги. Телогрейка на нем завернулась, рубаха тоже. С разбега Степка растянулся подле и замер. Он не стал ни тормозить его, ни ощупывать – для этого не было времени, на дороге вот-вот могли появиться полицаи. Он только выдернул из-под лежащего ремень автомата и опять притих в ожидании. Внутри у него все мелко дрожало от усталости и напряжения.

Вокруг было безлюдно и тихо, дождик ровненько сыпал по траве, дороге. Полицаи что-то медлили – не бежали сюда и не стреляли. Степка оглянулся и, приподнявшись, перевалил Маслакова на бок. Затем, не сводя взгляда с дороги, вздел на руку ремень автомата, взял винтовку и, напрягая все свои силы, взвалил на себя страшно тяжелое теперь тело. Придавленный на земле его тяжестью, он испугался, что не поднимется, от натуги в глазах блеснули и поплыли разноцветные пятна, но он все же встал на ноги и, согнувшись и раскачиваясь, будто пьяный, побрел под насыпью...

Он упал, немного не дойдя до опушки. В светловатом небе маячили вершины сосенок, но у него уже не хватило сил заползти в лес, ноги подломились, и он мягко лег со своей ношей на бок. Он ждал, что из лесу выбегут те двое, втроем они уже смогли бы унести командира и отбиться. Минут пять он задыхался от усталости, прижатое к земле, гулко стучало его сердце, все на нем было мокрым от дождя и пота. Незвестно, сколько времени будто в беспмятстве он пролежал на молодой траве, но никто к нему не бежал ни навстречу, ни сзади. Хотя он ничего не видел вокруг – он только слушал, – но ни шагов, ни выстрелов не было слышно.

Самое худшее состояло в том, что он не обнаруживал в Маслакове ни малейших признаков жизни: похоже, тот был уже мертв. Но как бы то ни было, даже мертвого он бы его не оставил, хотя все в нем отчаянно протестовало против этой беды, виновником которой, наверно, был сам Маслаков. Теперь вдобавок ко всему положение Степки усугублялось новой неожиданностью. Чем ровнее становилось его дыхание, тем сильнее его дожимала обида на тех двоих, которые черт знает где запропастились, когда так дорога была каждая секунда. А может, и совсем удрали? Это уже возмущало до слез, он готов был и заплакать, хотя на это у него просто не хватало силы, а главное, не было времени – снова надо было вставать и нести.

И он встал, как-то взвалил на себя бесчувственное тело Маслакова. Лишь когда поднимался с колен, не удержал равновесия и опять повалился на бок. Не давая себе передышки, начал подниматься снова и, сильно согнувшись, опираясь о землю рукой, все-таки встал.

Разумнее было бы скрыться в лесу, но на опушке в темноте он напоролся на какое-то жесткое колючее сучье и оцарапал лицо. Наверно, тут была непролазная чаща, и он, не решившись лезть в нее, опять пошел краем луга. От слабости его водило, как пьяного, изо всех сил он старался не упасть. Налитый тугой тяжестью Маслаков все время полз книзу, парень едва удерживал его за руки и сильно клонился вперед – так легче было держать его на спине.

Все время мешало оружие, цеплялось за землю и путалось в ногах, но он не мог бросить даже винтовку. Ему она была не нужна, но он помнил на этот счет строгий приказ по бригаде и знал, как там ценилось все, из чего можно было стрелять.

Через какую-нибудь полсотню шагов он зацепился за что-то ногой и упал, больно

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ударившись плечом, повернулся на бок, застонал от боли, но тут же подавил в себе этот стон: сзади послышались шаги. Степка схватился за автомат, однако скоро понял, что автомат не понадобится, – на фоне светловатого неба появилась знакомая в кожаной фигуре Данилы. Остановившись, тот глуховато бросил, наверно Бритвину:

– Вот он!

Степка поднялся и сел рядом с распростертым на земле командиром. Данила подбежал первым, за ним в редком морозящем дождике показался Бритвин. Завидев на земле Маслакова, он негромко воскликнул:

– Ранили, да?

Степка не ответил, лишь потрогал мокрую, без шапки голову раненого. Затем его руки наткнулись на липкую мокроту, густо пропитавшую телогрейку; он сообразил, что это кровь, и только сейчас почувствовал ее запах – пугающий запах людской беды. Но тут уже за раненого ухватился Данила, и Бритвин, громко дыша, закомандовал:

– Так! Потом... Понесли!..

Вдвоем они взяли из его рук Маслакова. Данила молча присел, напрягся, принял раненого на спину и круто свернул в мокрую чашу.

На дороге тем временем послышалось движение, приглушенные расстоянием голоса; на мосту что-то звякнуло, и по настилу глухо застучали копыта. Степка встал, подобрал с земли автомат, винтовку и едва сдержался, чтобы не заплакать от горя и острого чувства непоправимой беды.

Глава девятая

Они бесконечно долго продирались в темноте сквозь мокрый густой кустарник, набрали на тропинку, но скоро потеряли ее в лесу, перешли полосу мрачного, тягуче шумевшего на ветру ельника и очутились в каком-то широком лесном овраге. Данила, все время тащивший на себе Маслакова, поскользнулся на мокрой траве, упал и свалил его наземь.

– Фу, уморился!..

– Ладно, – остановился впереди Бритвин. – Отдохнем.

Он подошел ближе и тоже опустился наземь на неширокой, обросшей кустарником поляне. Где-то поблизости ровно журчал ручей, небо вверху недобро мрачнело, но дождь перестал. В лесной глухомани царил ночная тишь, нарушаемая лишь падением холодных капель в кустах. Усталым от долгой ходьбы людям, однако, было тепло, даже душно.

Пока Данила отсапывался, Степка ощупал все еще не приходящего в сознание Маслакова. Тот был жив, сердце его, было слышно, билось слабыми неровными толчками. В груди, если прислушаться, что-то kloкотало-хлюпало, и это особенно пугало Степку – казалось, Маслаков кончается. Сделанная из сорочки перевязка, наспех наложенная ими в пути, перекрутилась, сползла на живот. Вдвоем с Данилой они начали поправлять ее. Поодаль, ссутулясь, уныло сидел Бритвин.

– А канистра где? – вдруг спросил он.

– На дороге, – буркнул Степка.

– Подождли, называется!..

Двое других молчали, возясь с раненым, и Бритвин неожиданно зло выругался.

– Вроде бы опытный подрывник, а такую тюху-матюху упорол!

Данила развязал концы окровавленного куска сорочки, Степка придержал их и, глотая слезы от жалости к Маслакову, не мог возразить ротному. Как он ни был настроен против Бритвина, но теперь не мог не признать, что тот прав. Было совершенно очевидно, что Маслаков просчитался и сам же поплатился за это. Недавняя неприязнь Степки к Бритвину сама по себе сходила на нет, впрочем, как и к Даниле – все его прошлые обиды на них теперь становились ничтожно малыми перед огромностью свалившегося на них несчастья.

– Что тут у него делается! – ворчал Данила, ковыряясь под завернутой мокрой гимнастеркой.

Рана кровоточила, надо было поправить повязку. Ночь выдалась темная, без луны, а в этом овраге и под самым носом ни черта нельзя было разобрать.

– Спички где-то у него были, – вспомнил Степка. – Посмотри-ка в карманах.

– Держи.

Степка зажал концы повязки, а Данила принялся шарить по мокрым карманам раненого, которые, как и у всех, были набиты различной обиходной мелочью. Вытаскивая оттуда, что попадало под руки, Данила глухо приговаривал:

– Нож. Тряпка какая-то. Книжка или бумага...

– Дай сюда, – протянул руку Бритвин.

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Патроны. Моток проволоки... Карандаш... Хотя запал будто? Нате, посмотрите там.

Бритвин без особого любопытства взял у него что-то и, ощупав, скоро определил:

– Бикфордов шнур, а не проволока. И взрыватель вроде. Ну да, взрыватель. Только взрывать нечего.

– Вот спички.

– А зачем спички? – начал раздражаться Бритвин. – Что ты ему, операцию будешь делать? Подводу надо искать!

Данила на минуту смешался от этого почти начальственного окрика, молча уставясь на тусклую во мраке фигуру Бритвина. Как-то так получалось, что тот теперь брал над ними двумя старшинство, хотя прямого разговора о том еще не было.

– Подвода, говорю, нужна. Не торчат же тут, пока полицаи зашучат. Деревня далеко?

Данила оглядел в темноте мрачные лесистые склоны, будто там можно было что-либо увидеть.

– Волотовка тут должна быть. И хутора. Хутора, может, ближе.

– Где, в какую сторону?

Не очень уверенно Данила показал рукой вдаль:

– Будто туда, как по оврагу. Может, левее немного.

– Так! – живо прикинул Бритвин. – Ты, как фамилия?

Степка не сразу понял, что тот обращался к нему, и промолчал, зато Данила подсказал с охотой:

– Толкач.

– Толкач, а ну за подводой! А то поздно будет. Понял?

Степка с готовностью встал, чувствуя, что это правда. То, что его посылали невесть куда в ночь, теперь не обидело парня, хотя он подумал: почему не Данилу, который тут знал все ходы-выходы? Но Данила столько тащил раненого на себе по лесу. Подобрал автомат, Степка встал и, не мешкая, полез в мокрый кустарник.

Ветки обдавали его дождем, как он ни остерегался задевать их, хотя и без того давно уже промок, особенно рукава и ноги. На склоне в мокрой траве к тому же было скользко. Степка несколько раз упал, поднялся и наконец сошел пониже, к ручью. Но и здесь было не легче, он долго пробирался сквозь густой мокрый ольшаник, обошел поляну, непролазно заваленную сухим хворостом. В промокших его сапогах привычно чавкало, сползшая портянка все терла ногу, жесткие стебли прошлогоднего папоротника стегали по его голым, высунувшимся из сапога пальцам. Не останавливаясь, то и дело натываясь на сучья, он торопливо продирался в зарослях, заботясь лишь о том, как бы найти подводку и не опоздать к раненому. Но сначала надо было найти деревню. Не первый раз он ходил вот так, ночью, и, в общем, умел ориентироваться: откладывал в памяти весь путь вниз, вверх и все повороты тоже.

Спустя некоторое время лесной кустарник вокруг осел ниже, вверху шире разлеглось тусклое небо, на котором в двух-трех местах слабо блеснули редкие звезды, – овраг оставался сзади. С ним окончились и заросли ольшаника. Степка очутился в голой ложбине, взяв правее, взобрался по склону на горку. Идти стало легче, мокрые его сапоги ровно стегали в густой рослой озими; впереди высились какие-то беловатые кучки, казалось – люди. Но людей тут не могло быть, это зацветали на обмезках груши-дички. Степка невольно забирал в сторону – какая-то инстинктивная осмотрительность вынуждала его к осторожности в ночном поле. Временами он ловил себя на том, что сворачивает то вправо, то влево – самое наихудшее в пути без дороги.

Но вот шорох озими под ногами стих, Степка оказался на чем-то голом и твердом, не сразу поняв, что это дорога. Он взглянул в один ее конец, в другой – в какую сторону лучше было свернуть, он не знал. Он прошел по дороге десяток шагов влево, подумал и повернул назад, все время напряженно вглядываясь в сумеречное пространство ночи, таившей что-то неопределенное, загадочно-пугающее.

Дорогой он шел долго, полагая, что должна же она наконец привести к деревне. Сразу очутиться на деревенской улице не входило в его намерения – лучше будет из огорода пробраться в какой-нибудь двор и потихоньку разузнать обо всем. Но впереди его опять ждал лес – черная зубчатая стена совершенно закрыла собой и без того застланный темнотой горизонт. Степка замедлил шаг, автомат на плече передвинул под мышку, готовый каждую секунду дернуть за коротенькую рукоятку затвора. Но он еще не дошел до этой стены деревьев, как услышал невдалеке вроде бы знакомый, хотя и не сразу понятый им звук, напоминавший глухой стук о землю. Степка остановился, отчетливее расслышав несколько ударов, догадался, что это вбивали кол. Да, именно кол, особенно если камнем – несколько тяжеловесных глухих ударов отдалось в земле.

Он свернул с дороги и тихонько, крадучись пошел на этот стук, который почему-то

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
вдруг прекратился. Тогда он присел, снизу вверх осмотрел светловатый край неба – поблизости как будто ничего подозрительного не было. Мягко, почти неслышно ступая, он прошел еще шагов двести и снова, пригнувшись, огляделся. Опять ничего вокруг не было видно, лишь поодаль чернели кусты лозняка, между которых кое-где высились редкие олешины. Под ногами становилось все мягче, сапоги зачавкали в траве – начиналось болото. Он уже хотел было повернуть в обход, как рядом и так близко, что он содрогнулся, неожиданно увидел коня. Заслышав человека, конь встревоженно взмахнул головой и замер. Степка остановился, присел и, никого не обнаружив поблизости, осторожно, чтобы не испугать животное, начал приближаться к нему.

Конь по-прежнему тихо стоял, настороженно повернув голову в его сторону, и, словно недоумевая, ждал его приближения.

– Кось-кось, – ласковым шепотом позвал Степка, протягивая руку, как будто держа в ней угощение.

Затем этой же рукой он нащупал под ногами веревку и низенький конец колка, вбитого в землю, который тут же, поднатужась, вырвал. Оставалось, не вспугнув коня, взобраться на него.

Степка закинул за спину автомат и, перебирая в руках веревку, помалу потянул ею за уздечку. Конь повел мордой, но не пошел. Тогда он сам двинулся к нему, держа веревку, но еще не дошел, как конь, вдруг пугливо всхрапнув, заржал.

Степка во второй раз вздрогнул и выругался, в сердцах сильно дернув за уздечку. Он уже был рядом и ухватился рукой за жесткую гриву, но конь, не даваясь, решительно метнулся от него задом.

– Ах ты падла! – вырвалось у Степки. Не выпуская веревки, он сделал и вторую попытку ухватиться за его мокрый загривок, но конь опять испуганно шарахнулся в сторону.

И в тот момент сзади послышались чьи-то глуховатые шаги.

– Кто это? – раздалось в ночи испуганно и угрожающе одновременно. – Что ты делаешь?

Степка отпрянул от коня и, не выпуская веревки, правой рукой рванул из-за спины автомат. Тут же, однако, понял, что испугался напрасно, – к нему бежал кто-то один, низенький, в распахнутой одежде и босой, как это он сразу определил по его тонким, в засученных штанах ногам. Замерев, Степка ждал, пока тот, замедляя шаг, нерешительно подходил ближе.

– Куда вы? Это мой конь!

Негромкий голос его окончательно убедил Степку, что это подросток, и парень снова почувствовал себя спокойно и уверенно. Он уже знал, что вблизи вид его и особенно оружие дадут этому мальчишке понять все без расспросов.

– А ты кто? А ну, поди ближе!

Парнишка не очень решительно подошел и остановился в пяти шагах. Конь с высоко вскинутой головой внимательно глядел на хозяина, будто стараясь понять, что здесь происходит.

– Это мой конь! Не берите, дядька, моего коня!

Степка потянул за веревку, конь нехотя переступил, и он подошел ближе к мальчишке.

– Где повозка?

– Повозка? Дома.

– А дом где?

– Дом? Вон за оселицей.

– А кто дома есть?

– Дома мама и бабка.

– А полицаи у вас есть?

– Ну есть.

Наверно, он что-то уже понял и тихо стоял в намокшем, с чужого плеча пиджачке, покорно ожидая новых вопросов. Степка подумал, что от телеги, пожалуй, надо отказаться. Присмотревшись, куда показывал подросток, Степка догадался, что черная гряда вдаль, которую он принял за лес, была деревней: хаты, сараи, сады; на краю близко отсюда угадывалось светловатое пятно – наверно, новая крыша какой-то постройки.

– Коня отдадим, – сказал он. – Через пару дней только.

Парень, видно, тоже осмелел и, ступив на шаг ближе, сказал:

– Нельзя мне без коня. Я молоко вожу.

– Ну, знаешь! Ты молоко возишь, а нам человека спасать надо! – повысил голос Степка. – А ну, поддержи своего огольца!

– Не берите, дядька! Ей-богу, не вру: нельзя мне без коня, – залепетал подросток, однако взял коня за уздечку и придержал.

Степка грудью вскочил на лошадиный загривок, перекинул сапог и с приятностью обхватил ногами теплые конские бока.

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Дядька, партизаны не делают так!

Степка тузавнул было за веревчатый повод, конь послушно повернул в сторону, да вдруг прорвавшийся в последней фразе парня упрек что-то тронул в душе у Степки.

– Вот что! – сказал он. – Айда с нами. Отвезем, куда надо, и отдадим твою клячу. Завтра дома будешь.

Глава десятая

По лесу они пробирались пешком, ведя на поводу коня. Здешние места подростку были знакомы, он сразу нашел тропинку на краю оврага и, раздвигая руками мокрые ветви, уверенно вел Степку.

По-видимому, было за полночь. Ночь стала еще глуше, лес замер, насторожился, даже перестал слышаться стук капель в листве, лишь ровно топали сзади лошадиные копыта да в чаще, захлопав крыльями, кидалась прочь какая-нибудь вспугнутая ими птица. Вокруг по-прежнему было мокро, неуютно и тревожно; знобящая сырость невидимым промозглым туманом ползла между кустов.

Степка настойчиво тянул за повод, конь, однако, не очень охотно шел за чужим. Конечно, коня лучше бы передать подростку, но кто знал, что у того на уме. К тому же Степка чуял в кустарнике запах дыма, и это обеспокоило его. Хорошо, если жгли Бритвин с Данилой, а если кто-либо чужой? Он тревожно вглядывался в сумрак оврага, чтобы не прозевать огонь, и скоро увидел его – сквозь заросли коротенько блеснуло красноватым отсветом. На секунду остановившись, Степка подумал, что, кажется, это свои.

Вскоре они подошли ближе и увидели, что на краю поляны возле ручья поблескивал небольшой костерок, у которого пошевеливалась сутуловатая фигура в накинутах на плечи ватнике. Заслышав их наверху, человек круто обернулся и на минуту замер, вглядываясь в темень. Но они уже лезли по склону в овраг. Степка негромко понукал коня, который боязливо полз на согнутых задних ногах, бороздя копытами землю. Оба они с подростком придерживали его под узду, пока тот не сбежал вниз, едва не угодив в костер.

Бритвин поправил на плечах телогрейку и отступил в сторону, поводя по кустам шаткою черной тенью.

– Вот конь, – сказал Степка. – Повозки нет.

Он ждал, что Бритвин или выскажет удовлетворение оттого, что удалось найти коня, или будет ругать, почему без повозки. Однако бывший ротный бегло взглянул на подростка, скромно стоявшего возле коня, и с полным безразличием ко всему опустил у огня. Рядом, распятая на палках, сушилась его шинель.

– Напрасно старался.

Степка, не поняв, вопросительно поглядел на Бритвина, который, протянув руки к огню, не проронил больше ни слова. Костер медленно разгорался, дым серыми клубами валил вверх и ел глаза. И тогда Степка, почувствовав недоброе, услышал непонятную возню в другой стороне поляны. Туда же косил настороженным взглядом конь. В неясном мелькании теней под кустами можно было различить согнутую спину Данилы, который, стоя на коленях, с усилием ковырял в земле. Степка подался к нему, но тут же остановился, наткнувшись на что-то прикрытое на земле кожухом. Из-под овчинной полы высовывались две босые, неестественно белые во мраке стопы...

Все было ясно.

Степка опустил у этих босых, близко сведенных ступней, по которым гуляли слабые отблески костра, и понял, что самое страшное, чего он боялся, случилось. И не с ним, слабаком и неудачником, не с недотепой Данилой и даже не с Бритвиным, а с самым лучшим, самым для него дорогим человеком в отряде – Маслаковым.

Вконец обессилев, Степка оцепенело застыл возле этих мертвенно-белых ступней, и перед его глазами постепенно выплывал из тумана тот увиденный им в сосняке серый, поклеванный вороньем труп. Но там был неизвестный, совершенно безразличный ему человек, а это же ведь Маслаков. И все же какой-то общий итог уже соединил обоих, он пугал, отталкивал и своей нелепой несправедливостью совершенно сокрушал Степку.

Он сидел так долго, раздавленный обидой за командира, а может, и за себя тоже – на жизнь, на войну, а больше на коварство слепого случая, который чаще, чем что другое, властвовал над их судьбами.

– Не подвода – лопата нужна. Лопаты нет? – спросил Бритвин.

Степка не отозвался, и подросток, наверно, дал знать, что лопаты у них нет, потому что Бритвин больше не спрашивал. Конь постоял, вглядываясь в Данилу, и,

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
успокоясь, принялся щипать траву. Степка же все сидел, ни о чем не думая, безразличный ко всему и прежде всего к самому себе. Он здорово озяб от ночной свежести, тело его все чаще вздрагивало под волглым сукном мундира. Бритвин, заметив это, сказал:

– Хватит мандражить. Ступай, подмени Бороду.

Степке было безразлично, что делать, главное для него уже миновало, а все остальное не имело смысла. Он покорно встал и побрел через поляну.

– Что тут подменять! Было бы чем, – проворчал Данила, но вылез из неглубокой, по колено, ямки и протянул парню отполированный землей тесак.

Степка уныло стоял на темной накопанной земле. Не поднимая взгляда, взял у Данилы тесак и, когда тот уже шагнул от него, услышал, или, может, почувствовал, что шаг его вроде изменился. И тогда он заметил, что Данила уже в сапогах. На Бритвине справная телогрейка, у этого сапоги – все уже поделено. Ну что ж! Это было слишком обычно в их жизни: вещи, как всегда на войне, переживали людей, потому как, наверно, обретали большую, чем люди, ценность.

Он спрыгнул в могилу и начал драть и рубить тесаком тугие и крепкие, как ремни, лесные корни, которыми тут была густо и беспорядочно переплетена насквозь вся земля. Нарубив, руками выгребал мягкую сырую труху и брался за тесак снова. Однако все это он делал словно во сне. Мысли его беспорядочно сновали в голове, иногда задерживаясь на чем-то далеком, второстепенном и необязательном для такого момента, то и дело обрываясь и перескакивая на другое. Иногда они исчезали вовсе, и тогда становился слышным близкий разговор там, у костра. С нарочитой строгостью в голосе, как малому, Бритвин говорил подростку:

– От так! Побудешь, пока захороним. А потом шагом марш на все четыре стороны. Ясно?

– Ясно, – тихо отвечал парень.

– Ежели ясно, то и весь разговор, – заключил Бритвин, но, помолчав, вдруг спросил: – Тебе сколько лет?

– Пятнадцать.

– Батька есть?

– Есть, но...

– На войне, наверно?

– Не, – сказал парень, вздохнув.

Голос его стал какой-то неуверенный, едва слышный.

– Что, в полиции? – догадался Бритвин.

– В полиции, – тихо подтвердил подросток.

Степка несколько даже удивился, заинтересованный и неприятно задетый одновременно. Называется, нашел помощника. Пожалуй про батьку надо было спросить раньше, а то еще надумал вести с собой в Гриневичский лес – вот был бы скандал. С неприятным чувством виноватости Степка подумал, что Бритвин, наверно, сейчас задаст ему перцу, чего он теперь, по-видимому, заслуживал.

– Ну а ты что же, значит, батьке помогаешь? – спрашивал бывший ротный.

– Я не помогаю, – сказал парень. – Я в партизаны пойду.

– Ого!

Слышно было, Бритвин с хрустом разломал хворостину и сунул ее в огонь – мигающие отблески на кустах ненадолго сгасли, потом, понемногу оживая, запрыгали снова. Подросток, отчужденно насупясь, молчал.

– Ничего не выйдет! – сказал Бритвин. – Таких в партизаны не берут. Чтоб в партизаны пойти, заслужить надо.

– А я заслужу.

– Это как же?

Паренек не ответил, по-видимому, тая в мыслях что-то слишком серьезное, чтобы так запросто доверить его этому лесному незнакомцу. Степке это понравилось. Он выглянул из ямы – маленькая тщедушная фигурка в обвислом поношенном пиджаке стояла у костра. Рядом на коленях возился Данила, подкладывая в огонь валежник.

– От так! – сказал Бритвин. – Мы пойдем, а ты посидишь. Как рассветет, поедешь. Понял? Не раньше. А что не спал, так завтра выспишься.

– Мне утром молоко на сепаратор везти.

– Успеется твое молоко. – Бритвин ткнул палкой в огонь: в дымной круговерти взметнулся рой искр.

Пламя весело разгоралось, на поляне стало светлее, дым в тишине столбом валил вверх и багровым облаком исчезал в ночном небе. Бритвин отодвинулся от жары подальше. Вдруг, будто вспомнив что-то, он спохватился:

– Да, а куда ты молоко возишь?

– В местечко, куда же, – с явным недовольством сказал парень, и Степка подумал, что полицаяв сынок, кажется, попался с характером.

– В Кругляны?

– Ну.

Бритвин с каким-то новым смыслом поглядел на парня, потом на Данилу. Тот, откинувшись на бок, неподвижно смотрел в огонь.

– Через мост ездешь?

– Через мост, а где же.

– Ага! И вчера ездил?

– Ездил. Только приехал поздно. Партизаны постового убили, так не пускали долго.

– Так-так, – удовлетворенно сказал Бритвин, усаживаясь поудобнее и рукой придерживая на плечах телогрейку. – Значит, у них охрана?

– Днем не было, а на ночь ставить начали. Два полица из Круглян.

– Гляди-ка, все знаешь! Молодец! А ну, поди ближе. Садись вот, грейся.

Парень степенно обошел костер и опустился на корточки. Данила, видно, заинтересовавшись новым обстоятельством, приподнялся и сел прямо, заслонив огонь; на поляне пролегла его широкая длинная тень. В могиле сделалось темно, и Степка стал на колени, чтобы удобнее было копать. Больше он туда уже не глядел, только слушал.

– Вот так. Сушись. Тоже ведь мокрый. Как тебя звать?

– Митька.

– Дмитрий, значит. Хорошее имя. У меня был друг Дмитрий, геройский парень, – оживленно говорил Бритвин. – Так, говоришь, партизаны полица ухлопали?

– Ну. Вечером подкрался и застрелили. Ровба его фамилия. До войны в маслопроме работал.

Выдирая из земли спутанные корни, Степка тихо порадовался: это уж его работа. Удивительно только, как удалось попасть, не целясь. Становилось понятно, почему их не догоняли – наверно, вытаскивали убитого и упустили его с Маслаковым.

– Так-так, – что-то живо прикинул про себя Бритвин. – Вижу, ты парень хороший. Пожалуй, мы тебя примем. Только... – Не договорив, он повернулся в сторону: – Данила, а ну по секрету.

Оба поднялись от костра и отошли на несколько шагов в сторону Степка выпрямился, переводя дыхание и вслушиваясь Бритвин тронул за рукав Данилу.

– Ты говорил про тол. Где это?

Данила тягуче вздохнул, неопределенно поглядел в кустарник.

– Был. А теперь есть или нет, кто знает.

– Это где? В фроловщине?

– Ну.

– Слушай, надо подскочить.

Не отвечая, Данила громко высморкался в траву, пятерней отер нос и бороду.

– Так темно. А там болото, лихо на него... И неизвестно, швагер дома или нет, – начал он невеселым, совершенно глухим голосом, который всегда выдавал его неохоту.

– Ничего. Садись на коня и скачи.

Они повернулись к костру, в котором теперь задумчиво ковырялся Митя. Данила на ходу громче сказал:

– Так что, если у меня обрез этот...

– Бери винтарь!

– Что винтарь! Если б автомат.

Бритвин остановился.

– Бери автомат. Толкач, дай автомат!

– Ну да! Пусть с винтовкой едет, – недовольно отозвался Степка.

Бритвин строго прикрикнул:

– Говорю, дай автомат!

Степка с силой вогнал в землю тесак и тихо, про себя, выругался. Больше всего на свете он не хотел теперь отдавать автомат. Но приказ Бритвина прозвучал так категорично, что спорить было бесполезно, и он поднял с земли свой ППШ. Бритвин нетерпеливо обернулся к Даниле:

– И давай скачи! Два часа тебе сроку. Фроловщина недалеко, знаю.

Данила еще недолго помешкал, явно не спеша исполнять задание, к которому у него не лежала душа.

– Кожух мокрый. Если б вы ватовку дали.

– На! На и ватовку! – решительно рванул с плеч телогрейку Бритвин. – И не тяни резину!

С молчаливой неторопливостью Данила оделся, подпоясался, взял на краю поляны коня и полез из оврага.

Бритвин больше не садился к костру – там теперь хозяйничал Митя, – постоял на полянке и, как только топот коня затих наверху, подошел к Степке:

– Ну, ты долго тут ковыряться будешь?

Степка выпрямился – могила была еще мелковата, ему до пояса, но Бритвин, прикинув, решил:

– Хватит! Давай закапывать.

Он так и сказал – не «хоронить», а именно «закапывать», и от этого слова Степке опять стало не по себе. Пересилив себя, он подумал, что могилку надо углубить – земля пошла сухая и мягкая. Но Бритвин уже направился к покойнику.

– Давай сюда! Дмитрий, а ну пособи!

Митя с готовностью вскочил на ноги, но поняв, что от него требуется, оробело остановился поодаль. Не спеша выбрался из могилы Степка.

– Подождите! Так и закапывать...

Он вытер о траву тесак и, оглядевшись в мигающих сумерках, подошел к молодой елочке, ветви которой высывались из темноты на полянку.

Нарубив лапнику, он снова прыгнул в могилу и кое-как выложил им дно, из нескольких веток устроил возвышение под голову – будто стелил Маслакову постель.

– Ну, готово там? – поторопил Бритвин. – Давайте сюда!

Отбросив мокрый кожух, они вдвоем со Степкой взяли под мышки покойника.

– Дмитрий, бери за ноги, – распорядился Бритвин.

Митя с боязливой нерешительностью взялся за босые стопы ног.

– Взяли!

За время, минувшее после кончины, Маслаков, казалось, стал еще тяжелее: втроем они с усилием подняли его прогнутае в поясице, еще не застывшее тело и тяжело понесли к яме. Там, разворотив сапогами свежую землю, повернулись вдоль узкой могилы и начали опускать. Это было неудобно, тело всей своей тяжестью стремилось в яму, Степка придерживал его за холодную, плохо разгибающуюся руку. Опуская, перебрал пальцами до кисти, по-прежнему перевязанной грязным бинтом, и, ухватившись за нее, испугался: показалось, причинил боль. Тут же понял нелепость своего испуга, но за перевязанную кисть больше не взялся – став на колени, опускал тело все ниже, пока не почувствовал, как оно мягко легло на пружинящий слой хвои.

– Ну вот! – Бритвин разогнулся. – Давай зарывать.

– Подождите!

Нагнувшись, Степка одной рукой запихал в могилу остатки еловых ветвей, стараясь прикрыть лицо покойника, и потом они с непонятным облегчением начали дружно грести землю. Степка работал руками, Бритвин сапогом, Митя, стоя на коленях, обеими руками выгребал из травы остатки накопанной земли. Костер их уже догорал, мелкие язычки огня на угольях едва мерцали на краю поляны.

– Ну так! Доканчивай, а мы в огонь подкинем, – вытирая о траву ладони, сказал Бритвин. – Дмитрий, ну-ка поищи дровишек!

Митя подался на склон оврага. Степка тем временем завершил могилу.

На поляне стало тихо и пусто, она будто попросторнела теперь – без коня, покойника, с небольшим костерком на краю обрыва. Сделав все, что требовалось, Степка почувствовал себя таким одиноким, таким несчастно-ненужным на этом свете, каким, пожалуй, не чувствовал никогда. Единственное, что тут еще привлекало его, был костер, и парень подошел к Бритвину:

– Что, до утра тут будем?

– Побудем, да.

– А потом?

– А потом попробуем грохнуть, – невозмутимо сказал Бритвин, стоя на корточках и сгребая на земле обгорелые концы хвороста, которые он бросал в огонь.

Скоро между углей весело забегали огоньки, осветив вблизи сухое, будто просмоленное лицо ротного.

– Как это грохнуть?

– Посмотришь как. План один есть.

Степка выждал минуту, не спрашивая, думал, что скажет сам. Но тот не сказал, и Степка смолчал, не зная еще, можно ли принимать всерьез слова Бритвина.

– Такой план имею, что ахнешь. Если выгорит, конечно.

Митя что-то долго возился с хворостом, какое-то время было слышно его шастание над оврагом, а потом и оно стихло. Степка вслушался и немного обеспокоено сказал:

– Не сбежал бы...

– Куда он сбежит. Теперь он к нам как привязанный.

Степка недоверчиво: подумал так уж и привязан! Впрочем, без коня он вряд ли от них уйдет. И действительно, скоро наверху затрещало, задвигалось, и из темноты показался сам Митя, тащивший огромную, связанную веревкой охапку хвороста.

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Бритвин с несвойственным ему оживлением вскочил у костра.

– Целый воз! Вот здорово!

Митя был явно польщен похвалой – низенький и с виду слабосильный для своих пятнадцати лет, он в то же время оказался удивительно проворным в работе. Любо было смотреть, как он по-хозяйски упорядковал возле костра кучу хвороста и аккуратно сматал веревку.

– На коня я воз вот такой кладу. – Он поднял повыше себя руку.

– Хорошо! Хорошо! А коня как звать?

– Коня? Рослик. Двухлеток он, молодой еще, а так ладный коник. А умный какой!..

– Ну?

– Ей-богу. Отъедешь куда, спрячешься, крикнешь: Рослик! И уже мчится. А то как заржет!

– Гляди-ка. Дрессированный.

– Да ну, кто его дрессировал? Это я все ухаживаю за ним: и кормлю, и на выпас. В ночное тем летом водил. Тогда его у меня немцы отобрали. Утречком еду из Круглянского леса – навстречу трое. Ну и отобрали. Думал, все: пропал мой Рослик. Нет, примчался. Слышу, ночью хрустит кто-то, выхожу: ходит по двору, траву скубет. И повод порван.

– Да, замечательный конь, – согласился Бритвин.

– Только стрельбы очень боится. Мчит тогда как бешеный.

– Да? Ну хватит возиться – иди погрейся.

Бритвин снял с палок подсохшую уже шинель и разостлал ее на земле.

– Садись вот рядом.

Митя охотно опустился на полу шинели, протянув к огню мокрые руки. Костер хорошо горел, брызгая искрами, вблизи стало жарко, мокрые рукава Мити скоро задымались паром. Усталый, приунывший Степка тихо сидел рядом, слушая подростка. С виду тот казался едва повзрослевшим ребенком с маленьким неулыбчивым лицом, на котором по-детски торчал вздернутый носик. На тонкой худой шее его из-под пиджачка высовывался холстинный воротник нижней сорочки.

– Слушай, а ты давно молоко возишь? – заинтересованно спросил Бритвин.

– С весны. Как лед сошел. Сначала дед Кузьма возил, пока в полицию не забрали.

– За что забрали?

– Кто его знает. В чем-то провинился.

– А те, что на мосту, тебя знают?

– Полицаи? Знают, а как же. Все пристают: «Водки привези». Особенно тот Ровба, которого убили. Проходу не давал.

– Водки, значит? – задумчиво переспросил Бритвин. – На водку они охотники. А молоком не интересуются?

– Молоком? Не-а, – сказал Митя и сделал робкую попытку улыбнуться. – Я в то молоко курячее дерьмо сыплю.

– Да ну? Для жирности, наверно? Молодец!

Бритвин сел, сдвинул на затылок пилотку. И вдруг сказал:

– Слушай, Митя! Хочешь мост взорвать?

Степка от удивления раскрыл рот, но тут же подумал: а в самом деле! Ведь парень мог бы чем-то помочь. Митя, внешне несколько не удивившись вопросу, ответил просто:

– Хочу. Если б было чем.

– Ну, это не твоя забота. Это мы придумаем. Удастся – тебе первым делом автомат. Тот, с которым Борода поехал. Потом правительственную награду. Ну и в отряд, разумеется. С ходу. Я сам рекомендую.

Внимательно и вполне серьезно выслушав Бритвина, Митя озабоченно сказал:

– Мне главное, чтоб в партизаны. Потому что дома уже нельзя.

– Это почему?

– Да батька у меня... Ну, хлопцы в деревне и цепляются. Уже невмочь стало.

– Понятно. Ну, за отряд я ручаюсь. Теперь слушай мой план. Просто и ясно, – сказал Бритвин, но вдруг осекся и задумчиво поглядел в огонь. – Хотя ладно. Пусть Данила приедет.

«Ну что ж, пусть приедет. Когда только он приедет?» – разочарованно подумал Степка, собравшийся было услышать план Бритвина. Но разговор на этом прервался, стало тихо. От неподвижности Степку начала одолевать дремота, костер припекал грудь и лицо, а спина стыла в тени. Наверно, натертые мокрым мундиром на шее, разболелись чирьи. Он подумал, что надо бы перевязать шею, да нечем было. Сапоги и колени его были перепачканы грязью, руки тоже. Чтобы не заснуть тут, у костра, он поднялся.

– Ты куда? – сквозь дым глянул на него Бритвин.

– Руки помыть.

Внизу, в глухом мраке ольшаника, говорливо бежал ручей. Выглядывая подходящее для спуска место, Степка пошел краем поляны, пока не наткнулся на свежую,

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru сиротливо приютившуюся под кустами могилку. От неожиданности он остановился, все еще не понимая чего-то, не в силах принять эту нелепую смерть. Происшедшее сегодня казалось ему дурным сном. Хотелось думать, что минет ночь и все станет по-прежнему – он встретит веселого живого Маслакова, который с незлобивой шуткой опять позовет его на какое-нибудь задание.

Хватаясь за ветки, Степка спустился к ручью. Тут было сыро и прохладно. Неширокий поток воды шумно бурлил меж скользких камней. Вытянув ногу, парень нащупал один из них и склонился.

Нет, Бритвин не такой. Он жесткий, недобрый, но, похоже, дело свое знает неплохо. «Этот не оплошает», – думал Степка, погружая в холодную воду руки. Ему очень хотелось теперь удачи, после пережитого он готов был на любой риск и любые испытания, лишь бы расквитаться за Маслакова.

Глава двенадцатая

Данила приехал утром, когда над оврагом прояснилось небо и в кустарнике вовсю началась птичья возня – цвирканье, цоканье, пересвист. На краю поляны в серой куче углей едва теплился огонь, стало холодновато, все они сидя подремали немного. Однако лошадиный всхрап над оврагом сразу прогнал дремоту, наверху зашуршало, донеслось глухое:

– Стой ты, х-холера!

Разрывая ногами землю, из серых утренних сумерек на поляну сунулся рыжий запаренный Рослик.

Митя первым вскочил навстречу коню, начал ласкать его, оглаживая потную шею. Рослик удовлетворенно застриг ушами и скопил блестящим глазом на Степку. Степка, однако, глядел на овражный склон, как, впрочем, и Бритвин: в утреннем сумраке там тяжело спускался Данила. Сперва они не поняли, почему он отстал, но вскоре увидели какую-то ношу в его руках.

Спустившись по склону вниз, Данила бросил на землю почти под завязку набитый чем-то мешок.

– Вот! Насилу довез, холера. Мокрый, что ли?

– Как мокрый?

Бритвин был уже рядом, оба они склонились над мешком. Данила опустил на колени и начал распутывать тонкую веревочку завязки. Степка и Митя, от которого не отходил Рослик, стояли напротив.

Тем временем уже без костра стала видна вся поляна – серая, как и все вокруг в этот рассветный час, с расплывчато-тусклыми тенями людей, коня; ночной мрак медленно отползал в чащу, к ручью; небо вверху все больше светлело чистой, без туч синевой – утро обещало быть солнечным.

Данила развязал мешок.

– Что такое? – с недоумением вырвалось у Бритвина. Запустив руку внутрь, он вытащил из мешка горсть каких-то желтоватых комков, вгляделся, даже понюхал. Выражение его лица было на грани растерянности. – Что ты привез?

– Так это самое... Тол. Или как его?

– Какой, в хрена, тол? Аммонит? – раздраженно спросил Бритвин, шире раздвигая края мешка.

– Ну. Аммонит будто. Кажись, так называли.

– Дерьмо! Я думал, тол. А этим что – рыбу глушить?

Данила виновато почесал за воротом, потом под телогрейкой за пазухой.

– Говорили, бахает. Корчи им на делянках рвали. Верно, какую-никакую силу имеет.

С явным недоверием Бритвин молча исследовал взрывчатку: отломал кусочек от комка, растер в пальцах, опять понюхал и сморщился.

– Подмоченный? Ну да. Слежался, как глина. Эх ты, голова колматая! Купал ты его, что ли? – Бритвин оглянулся и что-то поискал взглядом. – А ну, дай шинель!

Митя послушно метнулся к костру за шинелью, и Бритвин широким движением расстелил ее на поляне.

– Высыпай!

Данила вывалил все из мешка – на шинели оказалась куча желтой комковатой муки, которая курилась вонючей сернистой пылью. Все четверо обступили шинель, Степка также пощупал несколько сыроватых комков, легко раскрошившихся в пальцах.

– Ладно, сушить надо, – спокойнее решил Бритвин. – Давай, Дмитрий, садись на коня и дуй за молоком. Дорога где?

– Какая дорога? – не понял Митя.

– Дорога, по которой возишь. Где, далеко отсюда?

– Не очень. Можно проехать по кустикам.

– Давай! – поторопил Бритвин. – Мы ждем. Что и как – потом договоримся.

- Хорошо.
- Только смотри, чтоб никто ни-ни! Понял?
- Ну.
- Чтоб ни одна душа и во сне не видела. А то...
- Знаю. Что я, не понимаю! – с обидой сказал Митя.

Пошевеливая поводком, низенький и подвижный, он повел за собой из оврага Рослика, который, трудно хакая, в который уже раз одолел высокий крутой склон. Вскоре кустарник скрыл их, где-то там послышалось негромкое «тпру», потом затихающий топот копыт по стежке. Бритвин обернулся к Степке:

- Давай за хворостом! Побольше хворосту! Сушить будем.
- Как сушить? – заморгал глазами Данила. – У огня?
- На огне! – отрезал Бритвин.

Данила на минуту остолбенел, с пугливым недоумением уставясь на бывшего ротного.

- А это самое... Не взорвется?
- Не бойсь! А взорвется – не большая беда. Или очень жить хочется?

Вместо ответа Данила смущенно переступил с ноги на ногу и сдвинул вперед свою противогазную сумку. В ней что-то тугими комками выпирало из боков, натянутый ремешок был застегнут на последнюю дырку. Отстегнув его, Данила вытащил ладную горбушку хлеба.

- О, это молодец! Догадливый!
- И еще, – удовлетворенно буркнул Данила, двинув сумкой, из которой тут же выглянуло горлышко бутылки с самодельной бумажной затычкой.
- Отлично! Только потом. Сейчас давай больше хворосту! Все за хворостом! – бодро распорядился Бритвин.

Степка сглотнул слюну, на всю глубину ощутив унылую пустоту в животе, и с неохотой оторвал взгляд от Даниловой сумки, которую тот снял и бережно положил в сторонке. Автомат он вроде не собирался отдавать, даже не снимал его из-за спины.

- Ты, давай автомат!
- Данила обернулся, взглянул на парня, затем, будто ища поддержки, на Бритвина.
- Ну что смотришь? Снимай, говорю!

- Ладно, отдай, – примирительно сказал Бритвин, и Данила с неохотой стащил через голову автомат, скинув на траву шапку.

Оба они полезли из оврага. Так как поблизости все было подобрано за ночь, сушняк надо было искать дальше. Данила в аккуратной, хотя и подпачканной кровью телогрейке и сапогах выглядел совсем не похожим на себя прежнего – в крестьянской одежде и лаптях. Обретя какой-то несвойственный ему, почти воинский вид, он будто помолодел даже, хотя косматое лицо его по-прежнему не теряло пугающе-диковского выражения.

Они вылезли из оврага, Степка обиженно молчал, Данила, наверно, почувствовав это и отдышавшись, спросил:

- Мину тот хлопец повезет?
- А я откуда знаю.
- Бритвин не говорил?
- Мне не говорил, – буркнул Степка, не испытывая желания разговаривать с этим человеком.

Данила добродушно поддакнул:

- Ага, этот не скажет. Но я вижу...
- «Видишь, ну и ладно», – подумал Степка, забирая в сторону.

Они разошлись по кустарнику. Лес стал суше и приветливей, хотя холодные капли с веток нет-нет да и обжигали за воротом кожу. Местами тут росли ели, но главным образом вперемежку с березками рос омытый дождем ольшаник; кое-где зеленели колючие кусты можжевельника. Хворосту-сушняку хватало. Степка скоро насобирал охапку, подцепил за сук срубленную сухую елочку, потащил с собой.

Тем временем в овраге на середине поляны вовсю полыхал новый костер, в который Бритвин подкладывал принесенный Данилой хворост. Данила еловыми лапками, как помелом, разметал затухшие угли их ночного костра.

- Давай сюда! – остановил парня Бритвин. – Бери и подкладывай, чтоб земля грелась. Будем аммонит жарить.

Хлопоча у огня, Степка с любопытством поглядывал, как они там, на выгоревшей черной плешу, расстелили распоротый вдоль мешок и ссыпали на него раскрошенные комья аммонита. Пригревшись, аммонит закурился коричневым дымом, на поляне потянуло резкой, удушливой вонью. Данила зажмурился, а потом, бросив все, двумя руками начал панически тереть глаза. Бритвин издали грубовато подбадривал:

- Ничего, ничего! Жив будешь. Разве что вши подохнут.
- А чтоб его... Все равно как хрен.
- Вот-вот.

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

По оврагу широко поползла сернистая вонь, хорошо еще, утренний ветерок гнал ее, как и дым, по ручью низом; на противоположном краю поляны можно было терпеть. Пока взрывчатка сохла на горячем подду, Бритвин с Данилой отошли в сторону, и Данила взялся за сумку.

– Ты, иди сюда! – позвал Бритвин.

Степка сделал вид, что занят костром, и еще подложил в огонь, хотя опять мучительно сглотнул слюну. Тогда Бритвин с деланным недовольством окликнул громче:

– Ну что, просить надо?

Нарочно не торопясь, будто с неохотой Степка подошел к ним и получил из Даниловых рук твердый кусок с горбушкой.

– И давай жги! Этот остынет – на тот переложим. А то скоро пацан примчит.

Вернувшись к костру, Степка за минуту проглотил все – хлеб показался таким вкусным, что можно было съесть и краюху. Аммонит на мешке как будто понемногу сох, или, может, они притерпелись, но вроде и вонял уже меньше. Данила то и дело помешивал его палкой. Бритвин стоял поблизости и, двигая челюстями, говорил:

– Мы им устроим салют! Парень – находка. А ну давай, поворочай середку!

– Ай-яй, чтоб он сгорел! – застонал Данила, отворачиваясь и смешно морща толстый картофелеподобный нос.

От желтых комков аммонита опять заструился вонючий коричневый дым.

– Ничего, не смертельно. Зато грохнет, как бомба.

– Хотя бы уж грохнуло!

Данила отбросил палку и обеими руками принялся тереть глаза.

– Грохнет, не сомневайся. Это вам не банка бензина! Смешно, канистрой бензина надумали мост сжечь! А еще говорили, что Маслаков опытный подрывник. Побегал, как дурак, засветло! На что рассчитывал? Без поддержки, без опоры на местных! Без местных, брат, не много сделаешь. Это точно.

– А может, он не хотел никем рисковать! – отозвался издали Степка.

– Рисковать? Знаешь ты, умник, что такое война? Сплошь риск, вот что. Риск людьми. Кто больше рискует, тот и побеждает. А кто в разные там принципы играет, тот вон где! – Бритвин указал на поляну. Покрасневшее его лицо стало жестким, и Степка пожалел, что не смолчал. – Ты зеленый еще, так я тебе скажу: слушать старших надо! – помолчав, сказал Бритвин.

Глава тринадцатая

Бритвин отошел на три шага от костра и сел, скрестив перед собой ноги.

– Терпеть не могу этих умников. Просто зло берет, когда услышу, как который вылупляется. Надо дело делать, а он рассуждает: так или не так, правильно – неправильно. Не дай бог невинному пострадать! При чем невинный – война! Много немцы виноватых ищут? Они знай бьют. Страхом берут. А мы рассуждаем: хорошо, нехорошо. Был один такой. У Копылова. Может, кто помнит, все в очках ходил?

– В немецкой шинели? Худой такой, ага? – обернулся от костра Данила.

– Да, худой. Дохловатый такой человек, не очень молодой, учитель, кажется. Нет, не учитель – инспектор района. Вот забыл фамилию: не то Ляхович, не то Левкович. Еще осенью котелок ему трофейный давал – своего же не имел, конечно. Помню, очки у него на проволочках вместо дужек, одно стекло треснувши. И то слепой. Прежде чем что увидеть, долго вглядывается. Глаза выкатит и смотрит, смотрит. Как-то послали его в Гумилеве какого-то местного прислужника ликвидировать. Почему его? Да знакомые там у него были, связи. Вообще в тех местах связи у него были богатые, тут ничего не скажешь! В каждой деревне свои. И к нему неплохо относились: никто не выдал нигде, пока сам не вскочил. Но это потом уже, зимой. А тот раз пошел с напарником – напарником был Суров, окруженец. Решительный парень, но немного того, за галстук любил закинуть. Потом он вернулся и отказался с этим ходить. «Дурной, говорит, или контуженный». Тогда этот Ляхович так удачно всех обошел (женщина там одна помогла), что к этому предателю прямо на дом явился. В кармане парабел, две гранаты, охраны во дворе никакой. Напротив на скамейке Суров сидит, семечки лузгает – страшует, чтоб не помешали. И что думаете: минут через пятнадцать вываливается и шепчет: не вышло, мол. В лесу уже рассказал что и как. Оказывается, ребенок помешал. Вы понимаете: полицию провели, СД, гестапо, бабу его (тоже сука, в управе работала), а ребенок помешал. И ребенку тому два года. Оправдывается: продажник тот, мол, с ребенком на кровати сидел, кормил, что ли, и этот дурак не решился в него пулю всадить. Ну это же надо! Вы слышали такое?

Нет, наверно, они такого еще не слышали и, уж конечно, не видели. Тем не менее

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
то, что возмущало Бритвина, не вызвало в Степке никакого особенного чувства к этому Ляховичу. Чем-то он даже показался ему симпатичным.

– И во второй раз тоже конфуз вышел, – вспоминал Бритвин. – Ходили на «железку», да неудачно. Наскочили на фрицев, едва из засады выбрались. Дали доброго кругая, вышли на дорогу, все злые, как черти, ну понятно – неудача. И тут миновали одну деревушку, уже в партизанской зоне, слышим: гергечут в кустах. Присмотрелись: немцы машину из грязи толкают. Огромная такая машина, крытая, буксует, а штук пять фрицев вперлись в борта, пихают, по сторонам не глядят. Ну, ребята, конечно, тут как тут, говорят: ударим! Ляхович этот – он старшим был – осмотрелся, подумал. «Нет, говорит, нельзя. Деревня близко». Мол, машину уничтожим – деревню сожгут. Так и не дал команды. Немцы выволокли машину, сели и – здоровеньки булы. Ну не охламон?

Слушатели молчали. Отстраняясь от вонючего дыма, Данила все морщил раскрасневшееся лицо, одним глазом посматривая на взрывчатку. Степка же старательно нажигал землю, ровной окружностью раскинув на поляне костер. Однако костер догорал: кончался хворост.

Встав со своего места, к нему подошел Бритвин. Без ремня, в сапогах и ладных, хотя и потертых темно-синих комсоставских бриджах он выглядел теперь, как настоящий кадровый командир, разве что без знаков различия. На замусоленном воротнике гимнастерки темнели два пятна от споротых петлиц.

– Ну, пожалуй, нагрелся. Давай отгребай. Борода, неси остатки. Подбери по краям, что посуше.

Степка ветками тщательно отmel в сторону угли, затоптал их, и они, насыпали на горячую выгарину нетолстый слой аммонита.

– Так, пусть греется. И помешивай, помешивай, нечего глядеть.

Настала Степкина очередь задыхаться и плакать от вонючей гари; раза два, не стерпев, он даже отбежал подальше, чтобы глотнуть чистого воздуха. Бритвин, отойдя в надветренную сторону, опять уселся на своей помятой шинели.

– Это что! – сказал он, опять возвращаясь к воспоминаниям. – Это что! Вот он в круглянской полиции выкинул фокус. Это уж действительно дурь. Самая безголовая.

– Говорили, это самое... Повесили будто? – спросил Данила.

– Да, повесили. Пропал ни за что. А Шустик, который с ним вместе влопался, тот и теперь у Егорова бегаёт. Пустили. Сначала думали: врет. Думали, завербован. Проверили через своих людей – нет, правда. Шустика пустили, а Ляховича повесили. И думаешь, за что? За принцип!

– Да ну? – не поверил Степка.

– Вот те и ну... Слупали их в Прокоповичах на ночлеге. Как это случилось, не знаю. Факт: утром привезли в местечко в санях и сдали в полицию. А начальником полиции там был приبلуда один, из белогвардейцев, что ли. Снюхался где-то, ну и служил, хотя и с партизанами заигрывал – конечно, свои расчеты имел. И еще пил здорово. Рассказывают, хоть шнапсу, хоть чемергесу – кружку опрокинет и никакой закуски. А пистолет вынет и за двадцать шагов курицу – тюк! Голова прочь, и резать не надо. Так этот полицай, наверно, сразу смикитил, кто такие, но виду не подал, повел к шефу. А шеф был старый уже немец, седой и, похоже, с придурью – все баб кошачьим криком пугал. Бабы наутек, а он хохочет. Считали его блажным, но когда дело доходило до расправы, не плоховал. Зверствовал наравне с другими. Ну и вот, этот Ляхович с Шустиком, как их брали, оружие свое где-то припрятали, назвались окруженцами: по деревням, мол, ходили, на хлеб зарабатывали.

Неизвестно, что этот беляк шефу доложил, но тот отнесся не строго, Шустика только огрел палкой по горбу. Полицай и говорит: «Кланяйтесь и просите пана шефа, может, простит». Шустик, рассказывают, не дожидался уговоров, сразу немцу в ноги, лбом так врезал об пол, что шишка вскочила. Полицаи – их несколько человек было – улыбаются, немец хохочет. «Признаешь власть великого фюрера?» – «Признаю, паночку, как не признать, если весь мир признает». Это понравилось, немец указывает на Ляховича: а ты, мол, тоже признаешь? Полицай переводит, а Ляхович молчит. Молчал, молчал, а потом и говорит: «К сожалению, я не могу этого признать. Это не так». Немец не понимает, поглядывает на русского: что он говорит? Полицай не переводит, обозлился, шипит: «Не признаешь – умрешь сегодня!» – «Возможно, – отвечает. – Но умру человеком. А ты будешь жить скотом». Хлестко, конечно, красиво, как в кино, но немец без перевода смекнул, о чем разговор, и как крикнет: одного вэк, мол, а другого на вяз. На вязу том вешали. Повесили и Ляховича. Ну, скажете, не дурак?

Глава четырнадцатая

Резкость Бритвина в осуждении Ляховича чем-то понравилась Степке, который тоже не терпел всяких там условностей по отношению к немцам. Он подумал, что Бритвин,

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru кажется, не добряк Маслаков, этот войну понимает правильно. Видно, пойдет сам и погонит их всех на мост, Митю тоже. Но что ж, надо – так надо. Вполне возможно, что им еще предстоит хлебнуть лиха, но пусть! Только бы удалось.

Стоя на корточках, Степка тщательно перемешивал аммонит, который хотя и вонял до тошноты, но как будто сох. Взяв комочек из тех, что были сырее, парень, остуживая, перекинул с ладони на ладонь, попробовал растереть – где там, затвердел, как камень.

– Высох уже.

– Ладно, пусть полежит, – сказал Бритвин. – Все равно мальца нет.

Над оврагом поднялось солнце; склон, край поляны и кустарник над ней ярко засияли в солнечном свете, постепенно стало теплеть. Бритвин в сонной истоме растянулся на шинели, посмотрел в высокое, с редкими облаками небо.

– Значит, так, – вдруг сказал он и сел. – Эй, Борода, еще храпеть начнешь.

Он толкнул ногой заплатанное колено Данилы, тот расплющил сонные глаза и, лениво задвигавшись, тоже поднялся на траве.

– Значит, так. Кому-то надо подобраться к мосту. Кустики там возле речки, я видел вчера, подход хороший. Задача, в случае чего поддержать огнем. Кто пойдет?

Данила молча вперил в землю выжидательный взгляд. Степка тоже молчал, зачем напрашиваться самому? Дело это, по-видимому, не очень веселое, кого пошлют, тот и пойдет.

– Так, – сказал Бритвин. – Ну тогда ты, Толкач. Подкрадешься и замри. Понял?

Степка не ответил. Он был готов, если это выпало на его долю, хотя то, что Бритвин обратился именно к нему, слегка задело его. Но не подав виду, он подавил в себе неприятное чувство, будто и не имел ничего против. И все же Бритвин вроде что-то заметил.

– Потому как у тебя автомат. Или, может, автомат Бороде отдашь? Тогда он пойдет.

– Нет, не отдам.

Они еще посидели минут пятнадцать. Аммонит, наверно, начал уже остывать, когда Бритвин вскинул голову – на овражном склоне появился Митя. Хватаясь за ветви, парень быстро скатился вниз. Бритвин вскочил с тревогой на лице, но Митя, оживленный и вспотевший, все в том же черном пиджачке, успокоил:

– Ну, все готово.

– Молодец, – сказал Бритвин. – Где подвода?

– Тут, в кустиках. Припозднился малость, но ничего.

– Так! – Бритвин оглянулся. – Толкач, марш к возу, из одного бидона молоко вэк, бидон сюда. Сколько у тебя бидонов?

– Три.

– Двух хватит. Один под мину пойдет.

Все было ясно, оставалось принести бидон, но Митя с неловкостью переступил босыми ногами.

– Тут вот... Поесть вам.

Обеими руками он вытащил из тугого кармана какой-то тряпичный сверток, передал Бритвину.

– Молодец! Просто герой! Ну, добро. На, Борода, в твою сумку.

Данила принялся запихивать в сумку завтрак, а Степка с Митей торопливо полезли на склон.

Митя взбирался первым. Его босые потрескавшиеся пятки быстро мелькали в росистой траве, небольшая голова в черной засаленной кепчонке, будто у вороненка, туда-сюда вертелась на худой шее – сквозь редковатый кустарник было видно далеко. Степка, однако, привык уже за ночь к этому оврагу и склону и, как это бывает на знакомой местности, почти перестал ощущать опасность.

Он думал над тем, что сказал Бритвин, – старался понять его план, но понял не много. Бывший ротный что-то хитрил, намекал только, а по существу скрывал от них свой замысел – ради секретности, что ли? Если Степку они посылают на прикрытие, так получается, сами поедут на мост. Но хватит ли их двоих, чтобы сладить с охраной, которая после вчерашнего случая станет еще бдительней? Наверно, полицаи увидят повозку издали, и хотя знают Митю, других могут заподозрить и не подпустить близко. Что тогда делать?

Этот план Бритвина с молоковозом в самом начале вызывал ряд сомнений и казался все менее убедительным.

Рослик стоял неподалеку, забившись в орешник вместе с повозкой, в которой, увязанные веревкой, блестили бока трех бидонов. Видно, где-то поблизости была дорога, потому Митя тихонько поласкал привязанного за куст коня и молча вскочил в повозку. Вдвоем они с трудом сняли крайний бидон на землю. Под руками тяжело плескалось, сильно запахло парным молоком, стадом и хлебом. Откинув крышку, Степка смешался: столько молока надо было вылить на землю!

– Пей! Хочешь? – предложил Митя.

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Пить Степке совсем не хотелось – хотелось есть, но, став на колени, он все же наглотался, сколько вместил его пустой живот. Особенного наслаждения, однако, не почувствовал – другое дело, если бы был хлеб.

– Ну что? Выливаем?

– Давай!

Наклонив посудину и обливая белыми брызгами ноги, они пустили по траве душистый молочный ручей. Подняв на себе сухую листву, ветки, разный лесной мусор, молоко широко растеклось в кустарнике, образовав большую грязную лужу.

Пустой бидон показался довольно легким. Оберегая больную шею, Степка вскинул его на плечо и двинул к оврагу. Митя бежал рядом.

– А сколько в нем патронов?

– Где? – не понял Степка.

– Ну, в автомате этом.

– Семьдесят в одном магазине.

– Ого! Это семьдесят человек можно уложить?

Боком пробираясь в орешнике, Степка терпеливо разъяснил:

– Семьдесят, это если одиночными стрелять. И то если попадать всеми. А если очередями, то дай бог десятков.

– А остальные что, мимо?

– Ну. А ты думал! Немцы тоже не дураки: мух ловить не будут.

– Надо лучше целиться, – смекнул Митя. – А в винтовке пять только?

– Да.

Идя впереди, он оглянулся и услужливо отстранил с пути ветку, пропуская Степку.

– А у этого, командира вашего, самозарядка, да?

– У Бритвина? Самозарядка.

– Хорошая винтовка?

– Когда исправная. А как заест, кидай и бери палку.

– А автомат не заедает?

– Когда как, – неопределенно сказал Степка, поправляя на плече ношу. Дотошные расспросы этого парня начали надоедать.

Разговор на том прекратился, они спустились в овраг, и Степка с глухим бряком бросил бидон перед Бритвиным.

– Порядок! Борода, взрывчатку!

Снаряжать мину Бритвин принялся сам. Рядом на шинели уже лежал найденный ночью у Маслакова полуметровый обрезок бикфордова шнура и желтый цилиндрок взрывателя.

Впрочем, начинить мину было несложно. Спустя десять минут Бритвин засыпал полбидона аммонитом, бережно укрепил в его середине взрыватель, конец шнура выпустил через край.

– Гореть будет ровно пятьдесят секунд. Значит, надо поджечь, метров тридцать не доезжая моста.

Наверно, для лучшей детонации, что ли, он вытащил из кармана гранату – желтое немецкое «яичко» с пояском – и тоже укрепил ее в середине. Потом по самую крышку набил бидон аммонитом.

– Вот и готово! На середине моста с воза – взк! И кнутом по коню. Пока полицаи опомнятся, рванет за милую душу.

– А кто повезет? – спросил Степка, стоя возле полного таинственного внимания Мити.

– Как кто? – с деланным непониманием переспросил Бритвин. И вдруг почти закричал: – Ты еще не пошел? А ну бегом! Куда я сказал. Понял?

– Я-то понял.

– Ну и давай! Мы тоже сейчас едем. А то вишь солнце где?

Степка поддал на плече автомат и выбрался из оврага.

Прежде чем скрыться в лесу, он обернулся. Внизу сквозь кустарник проглянул зеленый квадрат их полянки с двумя серыми пятнами от костров и раскопанной землей под ольшаником. Три небольшие с высоты фигуры стояли над белым бидоном, также готовые вскоре покинуть полянку, чтобы никогда больше сюда не вернуться.

Глава пятнадцатая

Дождавшись за ольховым кустом, когда часовой повернет в другой конец моста, Степка пулей метнулся дальше и упал под едва не последней жидковатой олешиной – в какой-нибудь сотне шагов от насыпи.

Несколько минут он трудно дышал, распластавшись на черной и голой, еще не поросшей травой земле, и во все глаза смотрел на дорогу.

Самое худшее, кажется, миновало. Степка подобрался к мосту, как будто его не заметили. Правда, за версту отсюда на поиме он ненароком наткнулся на какого-то

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
дядьку по ту сторону речки – наверно, там была стежка, – тот появился неожиданно, в серой суконной поддевке, с кнутом в руке. Разделенные неширокой речушкой, они встретились взглядом, оба вздрогнули от неожиданности, но Степка молча проскочил мимо в редковатый прибрежный кустарник, который скоро и заслонил его. Человек также ни о чем не спросил, видно, подавил в себе удивление, а может, и испуг, и быстро зашагал берегом. Наверно, надо было проследить за ним, но не было времени – Степка и без того боялся опоздать с выходом к мосту и стремился вперед, хотя и чувствовал, что в такой спешке очень просто нарваться на немцев. Однако все обошлось, сзади никого не было видно.

Мост отсюда, казалось, был так близко, что становилось страшно. Степка уже мог кромсануть по нему из автомата, хотя, конечно, теперь лучше бы иметь винтовку, из нее гораздо удобнее было бы снять часового, который между тем лениво слонялся туда-сюда вдоль перил. На середине он ненадолго остановился, посмотрел вниз, сплюнул и с ребячьим любопытством проследил, как плевок плюхнулся в воду. На плече полицейя висел немецкий карабин, который он то и дело поправлял свободной рукой. Когда он отворачивался, Степка видел его спину в черной тесноватой куртке и стриженный светлый затылок под черной с кантом пилоткой. Был он тонковат, молод, наверно, ненамного старше Степки.

Этого часового Степка увидел еще издали, из кустарника, и подумал сначала, что он тут один. Но спустя какое-то время послышался тихий разговор на дороге, долетел звяк лопаты о камень – похоже, в том конце моста за насыпью копали. Ему отсюда не видно было, сколько их там, он слышал только обрывки разговора, иногда невысоко над дорогой взлетали комья земли. Спустя четверть часа из-за насыпи на дорогу вылез обнаженный до пояса полицейя в зеленых штанах и черной пилотке, недалеко прошелся обочиной, нагнулся, что-то подобрал с земли и опять пошел туда, где копали.

От долгого бега Степка согрелся, вспотел, но теперь, поглощенный мостом, не догадался даже расстегнуть мундир да снять шапку. Полежав с полчаса, он понял, что, наверно, придется проваляться тут долго: на дороге в сосняке еще никого не было видно. Зато со стороны местечка скоро показалась повозка, которая быстро катила к мосту. Спустя какое-то время можно было различить, что это бричка; запряженный в нее справный буланый коник размашисто кидал копытами, картинно сгибая красивую, с коротко подстриженной гривой шею. Степка догадался, что это кто-то из начальства. Бричка ненадолго остановилась возле тех, что копали, там же оказался и часовой; не слезая с сиденья, человек в сером пальто, размахивая руками, что-то заговорил, другой сидел подле молча. Вскоре он шевельнул вожжами, и бричка с негромким стуком покатила по дощатому настилу.

Степка плотнее припал к земле, затаил дыхание. Они проехали совсем близко от него, но даже не взглянули в его сторону, и парень облегченно вздохнул.

Опять потянулось время. Солнце над лесом медленно поднималось в небе, было уже, наверно, часов около десяти. Теперь Степка чаще, нежели на мост, стал оглядываться назад, на дорогу, все с большим нетерпением ожидая увидеть там повозку с Росликом. Но там долго никого не было, и парня исподволь начала одолевать тревога: не случилось ли что с миной?

Часовой раза три прошелся туда-сюда по мосту и опять повернулся в этот его конец. Правой рукой он высоко, возле плеча, перехватил ремень, а левой, заложив ее за спину, держался за ложу карабина, который, наверно, уже натрудил за смену его худое плечо. Потом, неторопливо проковыляв по мосту, остановился возле сломанных перил, и Степка подумал, что сейчас повернет назад. Но он почему-то не поворачивал. Он даже вынул левую руку из-за спины и тоже перенес ее на ремень карабина, как бы для того, чтобы снять его с плеча. Уловив в поведении полицейя что-то новое, Степка оглянулся: с горки в сосняке быстро и даже весело катил вниз Рослик с повозкой.

Степка подвинул поближе к себе автомат, удобнее уперся локтями в черную мякоть земли; он заволновался, предчувствуя, что вот-вот произойдет самое важное. Правда, скоро его напряжение сменилось удивлением, когда он увидел в повозке одного только Митю: ни Данилы, ни Бритвина там не было. Не видно их было и сзади и нигде поблизости. Неужели они отправили Митю одного? А может, там что случилось? Но строить догадки не было времени, повозка скоро приближалась, а полицейя стоял у въезда на мост, и у Степки медленно холодело внутри от мысли: а вдруг остановит? Если полицейя задержат повозку, тогда все пропало.

Припав к земле и неудобно поджав свернутые набок ноги, Степка сквозь ветви поглядывал то на дорогу с повозкой, то на мост, где в угрожающей неподвижности застыл часовой. И тогда в голове его мелькнула совсем уж паническая мысль: а вдруг прошлой ночью караул сменили, поставили новый, и полицейский впервые видит этого молоковоза? Тогда он его, безусловно, задержит. Но ведь Митя где-то поблизости от моста должен поджечь шнур – что же тогда будет?

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Между тем повозка приближалась. Митя высоко сидел на одном из бидонов, внешне он выглядел спокойным. Правда, эта его высокая посадка казалась несколько необычной, разве так ловчее было столкнуть бидон-мину. И опять ни на повозке, ни поблизости от нее не было никого больше. «Неужто Бритвин с Данилой остались в лесу или с ними стряслось что плохое?» – недоумевал Степка. Конечно, он прикроет Митю, коль на то послан, но для чего же тогда они?

И тут Степка заметил над повозкой дым. Парень удивился, даже испугался, но вскоре понял, что это дымил папироской Митя. Делал он это, однако, неумело, слишком усердно и часто – непонятно было, то ли собираясь поджечь шнур, то ли для того, чтобы уже замаскировать его горение. В то же время Рослик побежал быстрее, и повозка, минуя кустарник, на несколько секунд скрылась за нависшей листвой.

У Степки от волнения противно задрожало сердце, вспотели ладони, он подвинулся немного в сторону, направляя ствол автомата на часового. Как на беду, свежаватый утренний ветер замельтешил перед лицом молодыми ветвями, которые то открывали, то совершенно закрывали собой полицая. Но вот тот шагнул навстречу повозке и, что-то негромко крикнув, снял карабин. Митя соскочил на дорогу.

Повозка остановилась в каких-нибудь десяти шагах от моста. Рослик, слегка выставив вперед ногу, принялся теревить ее зубами. Степка в ольшанике весь сжался от напряжения, плохо соображая, что происходит. Он чувствовал только, что план Бритвина рушится, что дело оборачивается самым неожиданным образом и что теперь, судя по всему, настала его очередь.

Он не знал, поджег ли Митя шнур (должен был поджечь), но если шнур уже загорелся, то полицай, как только подойдет к повозке, поймет все с первого взгляда. Тогда независимо от того, будет взрыв или нет, парень погибнет. Чтобы спасти хотя бы Митю, Степка вскинул над насыпью автомат и надавил на спуск.

Тр-р-р-р-р-р-рт!

Что произошло дальше, он понял не сразу. Он увидел только, как рванул с места Рослик, кажется, сбив полицая, конь с возом поскакал по мосту вперед, попав на выбоину, повозка подскочила, качнулись, загрохотали перевязанные веревкой бидоны. Полицай где-то исчез, на дороге остался лишь Митя, он бросился было за повозкой, но в какой-то непонятной растерянности вдруг остановился, раскинув в стороны руки.

Степка вскочил, чтобы бежать, но взгляд его в последнее мгновение наткнулся на эту растерянную фигурку Мити, и он снова присел за кустом. Только он хотел крикнуть, чтобы тот спасался, как Митя дернулся, будто в испуге, от того невидимого, что в этот момент случилось на мосту. Степка быстро и тревожно выглянул сквозь листву – Рослик, упав в оглоблях на передние ноги, бился коленями о настил, пытаясь подняться, высоко и немощно махал головой. В то же мгновение откуда-то сбоку, как будто издали, с опозданием донеслось негромкое «бах-х!». Степке показалось, что это выстрелил полицай из-за насыпи, и он слова рванул к плечу автомат.

Но выстрелить он не успел.

Митя сорвался с места и, размахивая лапами своего пиджачка, бросился за повозкой. «Что ты делаешь?!» – взвопил протестующий голос в Степке. С того конца моста к повозке уже мчались три полицая. Рослик скреб копытами настил, тщетно пытаясь встать, повозка перекосилась, упершись задним колесом в перила...

Степка на коленях подался из-за ветвей в сторону, ловя на мушку тех, что бежали. Ему не хватило какой-то секунды, чтобы совместить ее с прорезью, как мощная сила взрыва бросила парня наземь. На всю глубину содрогнулась пойма, от теплой вонючей волны пригнулись вершины деревьев. Оглушенный Степка какую-то частичкой чувств уловил, как что-то тяжелое ударилось поблизости о землю. Он тут же вскочил, сглотнув горькую слюну, нащупал подле себя автомат. Клубы едкого желтого дыма быстро катились от моста на кустарник; глаза его заплыли слезами, в следующее мгновение, споткнувшись о что-то твердое, он опять полетел наземь – под ногами косо торчал из земли обломанный брус от перил.

Степка побежал краем ольшаника – подальше от моста и дороги, потом по луговой пойме свернул к знакомому сосняку. По нему не стреляли, сотрясенное взрывом, все вокруг замерло. Исподволь он совладал со своею растерянностью и впервые оглянулся: аккуратно на середине моста зиял огромный пролом, из которого беспорядочно торчали в стороны обломки брусьев, бревен и досок. Там же что-то горело – сизый, негустой еще дым стлался над речкой и лугом.

На мосту и возле него не было ни одной живой души.

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Загребая сапогами в мелкой траве, Степка отяжелело бежал к недалекой уже сосновой опушке. Провод на сапоге порвался или, может, сполз, подошва наполовину отвалилась и на каждом шагу надоедливо хлопала. На бегу, он то и дело оглядывался: дорога из местечка уже закурила пылью – несколько верховых мчались в сторону моста.

Но вряд ли они успеют догнать его: уже совсем близко лес, кустарник, а позади речка с топкими, в тростниках берегами – пусть попробуют перебраться через нее с лошадьми. Правда, они могли настичь его тут огнем, но все равно он перешел на шаг: не хватало уже силы бежать, лихорадочное дыхание распирало грудь, горячий соленый пот заливал глаза.

– Скорей! Скорей ты! Бегом!!

Степка поднял разгоряченное лицо – на опушке среди сосновых ветвей шевельнулась знакомая голова в пилотке. Бритвин махал рукой и с приглушенной злостью требовал теперь от него:

– Бегом!!

Степка обессилено затрусил, несколько свернув с прежнего своего направления туда, где был Бритвин, и спустя минуту, раздвигая грудью колючие ветки, втиснулся в сосняк. Сзади так и не выстрелили ни разу, и он не оглядывался больше – где была в то время погоня, он не видел. Он стремился теперь скорее присоединиться к своим, о которых уже перестал и думать, и теперь, завидев их живыми, почувствовал безотчетную минутную радость. Правда, те не очень ждали его – поодаль в сосняке мелькнула зеленая, в телогрейке спина Данилы, – не теряя времени, они через пригорок бежали дальше.

Тяжело топая по мягкой, усыпанной хвоей земле, обдирая в чаще лицо и руки, Степка вылез на вершину пригорка и с облегчением побежал вниз. Тут он опять увидел их: Бритвин был уже на опушке, коротко оглянулся, взмахнул рукой («скорей!») и выскочил на вспаханную полосу нивы.

Кажется, они оторвались от погони, во всяком случае скрылись с ее глаз и стали недостижимы для ее огня. Можно было бы вздохнуть с облегчением, нервное напряжение спало. Как ни удивительно, Степка только здесь, в сосняке, понял, что они сделали. Мост взорван, было чему радоваться. Но радость не приходила: не было Маслакова, который все это начал, вел их, первым пошел на самое опасное, и теперь вот они победили, но без него. К тому же еще и Митя. Разумеется, Митя – эпизод, парнишка на один день, сколько таких появлялось на его партизанском пути и исчезало – какое ему до них дело? Но этот подросток что-то затронул в нем, что-то непроясненное, только почувствованное унес с собой из жизни, оставив Степке лишь недоуменный вопрос: как же так?

Когда Степка выскочил на опушку, те двое, пыля сапогами, уже бежали по ниве – впереди Бритвин, а позади в десяти шагах от него Данила. Они снова не подождали парня, а он все больше отставал: склон тут кончался, начиналось ровное место, бежать по которому у него просто не было сил.

И все-таки он бежал, горячно дыша раскрытым ртом. Автомат придерживал рукой под мышкой, не давая тому бить диском о бок. Степка совсем выдыхался, и чем меньше у него оставалось сил, тем все большее раздражение поднималось внутри – будто его нарочно хотел кто обидеть. Однако он знал, что не нарочно, что в самом деле надо было как можно скорее смыться, но не мог сладить со своею досадой и, вдруг остановившись, крикнул.

– Да стойте вы!

Они оглянулись, замедлили шаг и, достигнув кустарника, нерешительно остановились. Бритвин, видно тоже не сдержав злости, раздраженно прикрикнул:

– Давай скорей! Ну что ты гребешься, как баба?!

Усталым шагом Степка наконец догнал их. Неприязненно избегая их взглядов, увидел вспотевшее лицо Бритвина, оживленное риском и азартом.

– Не смотрел, не догоняли? – спросил Бритвин, когда он подошел ближе.

Степка нарочно не ответил – он просто не мог разговаривать с ними и даже избегал взглянуть им в глаза, его мучил вопрос: где они были? Он чувствовал себя совершенно одураченным: ведь он почти уже поверил в Бритвина, в его волевою решимость и боевой опыт и уже склонялся в душе к тому, чтобы отдать ему предпочтение над Маслаковым.

Наконец все вместе они сунулись в негустой мелкий орешник. Под ногами шастала прелая листва да похрустывали опавшие ветки. Через минуту Бритвин снова обернулся к Степке:

– Контузило, что ли?

– Ничего не контузило!

Не останавливаясь, Бритвин на секунду задержал на нем свой придирчивый взгляд и скрылся за кустом. Выскочив по другую его сторону, заговорил с напускной лихостью:

– Здорово, а? Грохнуло, что, наверно, в Круглянах стекла выскочили.

Данила на бегу повернул к ним свое косматое, с простовато-радостной ухмылкой лицо.

– Ну.

– Порядок в танковых войсках!

Они радовались – что ж, было чему. Среди бела дня, под носом у немцев рванули мост – разве не причина для радости? Особенно для Бритвина, да и Данилы тоже.

Вскоре Бритвин перешел на шаг, тем более что впереди начиналось полное воды лесное болото, которое надо было обойти. Данила теперь не выбирал пути, держа напрямик, лишь бы подальше от Круглян, глубже в лесную глушь. Так было всегда: главное – как можно дальше отойти от того места, куда должны были кинуться полицаи.

Степка давно уже хотел остановиться, перевести дыхание да что-то сделать со своим сапогом, потому что на каждом шагу цепляться подошвой стало мукой. На правой ноге к тому же сильно болела пятка, наверно, стер до кости. Опустившись наземь, он с усилием стащил с ноги развалившийся сапог и, не зная, как сладить с подошвой, со злостью швырнул его в ольшаник. Затем то же сделал и с правым, который отбросил в другую сторону. Дырявые, созревшие портянки, когда-то отодранные на хуторе от полосатого рядна, поднявшись, раскидал ногами.

Впереди с винтовкой на плече недоуменно оглянулся Данила.

– Гы! Ты что надумал?

Степка закинул за плечо автомат. Босым ногам стало куда как легко и неожиданно холодно с непривычки на сыром непрогретом мху, трава щекотно заколола подошвы, но не беда. «Давно бы так», – подумал он с невеселым облегчением.

Данила с Бритвиным, однако, молча стояли, уставясь на него. Бородатый партизан был явно озадачен его поступком.

– Сдурел, что ли? Зачем ты кинул?

– Иди, подбери!

И Данила действительно полез в кустарник, нашел его левый, более справный, сапог и по-хозяйски, с интересом ощупал подошву.

– Так хороший сапог! Если союзки новые... Бросает, ха!

– Ты зачем это? – нахмурился Бритвин.

– Рваные же. Не видели?

Данила, однако, слазал в болото и за другим сапогом. Подошва в нем совершенно отвалилась и висела, ощерив ряд проржавевших, густо набитых гвоздей.

– Починить если, так носить да носить.

Аккуратно сложив сапоги голенищами, он начал запихивать их за широкий немецкий ремень. Степка исподлобья бросал неприязненные взгляды на его ладные маслаковские кирзачи и телогрейку, почти новенькую, правда, с подсохшим пятном на груди.

– А ну сейчас же надень сапоги! Ты что? – со строгостью напустился на него Бритвин, наверно, уже совсем чувствуя себя командиром. – Через час слезами заплачешь. Тогда что, понесем тебя?

– Не бойтесь, не понесете. Его заставите.

Наверно, что-то почувствовав в голосе Степки, Бритвин смерил парня подозрительным взглядом, что-то прикинул в уме, будто вслушиваясь в тихий шум ветра. Степка подумал, что поскольку дело уже сделано, то тут и начнутся командирская мораль, ругань и угрозы. Но Бритвин в последний момент будто переменял свое намерение, лишь уколол его злым взглядом и пошагал через кустарник.

Глава семнадцатая

Далеко уже отойдя от Круглян, в густом ельнике они набрали на тропинку. Кажется, неподалеку должен был начинаться Гриневичский лес – знакомые безопасные места, их партизанская вотчина. Стало спокойнее, о погоне уже не думали. В лесу стоял крепкий, почти спиртовой настой волглой весенней прели и смолы; на влажной мшистой земле лежали пестрые от солнечных бликов тени; разлапистые ветви елок, сонно покачиваясь, тягуче шумели вверху.

Едва заметная в моховище тропинка вывела их на старую заброшенную делянку с когда-то наготовленным да так и не вывезенным кругляком – с краю широкой поляны расположилось несколько длинных приземистых штабелей обросшей мохом рудстойки. Сопревшая кора на чурбаках разлезлась, в потемневших от времени торцах желтели выдолбленные дятлами ямки.

На делянке пригревало солнце, они все вспотели, и Бритвин, несший перекинутую через плечо шинель, решительно бросил ее под ноги.

– Привал!

– Фу, тепло! – согласно отозвался Данила и как был, толстоватый и неуклюжий по

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
такому теплу в телогрейке, задом сунулся в тень под штабелем.

Бритвин снял ремень, расстегнул пуговицы на гимнастерке, затем плюхнулся на шинель и, сопя, стянул сапоги. Степка, помедлив, тоже присел под штабель.

– Далеко еще топать? – спросил Бритвин.

– Не так чтоб далеко. Немного пройдем до Ляховина, потом еще лесничество миновать, – начал прикидывать разомлевший Данила.

– Так сколько километров? Пять, десять?

– Это... Если Ляховино по правую руку оставить, чтоб крюка не дать. Но как оставить: мост там...

– Так сколько все-таки километров?

– Километров? Чтоб не солгать... Не так много осталось.

Бритвин осуждающе повертел головой.

– Ну и арифметика у тебя! Много, немного... Давай сумку да перекусим.

Данила с подчеркнутой готовностью перекинул через голову скрученную лямку сумки и сразу же вынул оттуда бутылку с бумажной затычкой. Осторожно укрепил ее на неровной мшистой земле между собой и Бритвиным. Степка старался не смотреть туда

– делал вид, что занят пальцем на ноге, до крови сбитым о корень. Есть ему расхотелось, на жару донимала жажда, и он думал, что, передохнув, первым делом надо поискать ручей.

– Ну что ж, тогда дернем! – с воодушевлением сказал Бритвин.

– Заработали, – ухмыльнулся в бороду Данила.

Бритвин потянул сумку.

– А там же и закусь была. А ну доставай, что наготовил полицаев сынок.

Степка легонько вздрогнул – так просто и буднично было сказано это. Он недоуменно вскинул голову, ожидая что-то увидеть на лице Бритвина. Однако на упругом, тронутым свежей щетиной лице того было лишь сдержанное выражение удовольствия от предстоящей закуски с выпивкой.

Данила вынул самодельный, с деревянным черенком ножик, развернул белую холстинную тряпицу. Толстый ломоть домашнего хлеба, кусок мяса и четыре крашеных пасхальных яйца заставили их украдкой сглотнуть слюну. Они уже не могли оторвать взглядов от больших рук Данилы, который принялся делить закуску: разрезал на три части хлеб, мясо, разложил яйца, два из которых оказались сильно помятыми, наверно, в дороге. Бритвин одной рукой сразу же взял бутылку, другой сгреб свою порцию закуски.

– Ну, а Толкач что? Не проголодался?

Степка слегка нахмурился: слова Бритвина прозвучали таким тоном, что стало понятно: если он откажется, они упрашивать не будут. Именно по этой причине он решительно встал и, вразвалку подойдя ближе, забрал оставшуюся на сумке пайку – вторая была уже в руках у Данилы.

Бритвин тем временем сделал несколько поспешных глотков из бутылки, поморщился.

– Отрава! И как ее полицаи пьют?

– А пьют. И полицаи и партизаны. И ничего. Говорят, пользительно, – заулыбался Данила, перенимая бутылку.

Последнее время он стал разговорчив, не то что вчера, и Степка подумал: с чего бы это? Данила тоже выпил. Может, и не столько, как Бритвин, но также не мало – едва не всю. Подняв бутылку, посмотрел, сколько осталось.

– Ну а тебе не надо. Мал еще, – сказал он Степке как будто шутя, но и в самом деле отставил бутылку в сторону.

Степка перестал жевать.

– Кто малый, а кто старый. Дай-ка сюда!

– Сопьешься еще. Пьяницей станешь.

– Не твое дело. Дай бутылку!

– Это пусть командиру, – вдруг осклабился Данила. – Командир, он голова.

Смотри, как все устроил!

– Ладно, дай и ему! – с полным ртом великодушно позволил Бритвин.

Данила еще раз прикинул, сколько в бутылке – там было не больше чем с полстакана, – и отдал. Степка хотя и не испытывал к водке большой охоты, теперь, наверно со зла, вытянул все до капли.

– Гляди ты! – удивился Данила. – А-я-я, вот молодежь пошла.

Энергично работая челюстями, Бритвин с каким-то затаенным смыслом косил на него глазами, а Степка, полуотвернувшись, сосредоточенно ел. Мяса ему досталось немного, он скоро проглотил его, оставался кусок хлеба и маленькое, словно голубиное, слегка надтреснутое на боку пасхальное яичко, которое он приберегал на потом. Ему было наплевать, что о нем думали эти двое, он не уважал их и не чувствовал никакой благодарности за выпивку. Он едва сдерживал растущее в себе негодование, все определеннее сознавая, что в этой довольно удачной истории с мостом они все-таки сподличали. То, что всю дорогу и теперь Бритвин упрямо обходил в разговоре Маслакова и Митю, только укрепляло его подозрение, и это не

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
могло не отозваться в нем прежней неприязнью к ротному.
– Ни уважения тебе, ни уступки! Вот молодежь! – ворчал между тем Данила. – Раньше было не так.
– Что бы вы делали без этой молодежи? – резко сказал Степка, почувствовав, как с катастрофической неизбежностью в нем нарастает гнев. – Блох по хатам плодили? Обычно сдержанный, флегматичный Данила в этот раз из-под нависших бровей недобро нацелил в него узенькие щелочки глаз.
– А ты нам не указ! Не командир, значит, чтоб указывать!
– Очень ты командиров любишь! Все чтоб командовали! Небось без команды и в лес не пошел! Ждал, пока с печи стащат!
– Мое дело! Не тебе упрекать старших. Сопляк еще!
– Будет, не заедайтесь! – прикрикнул Бритвин. – Толкач хоть и злой, но смелый. Молодец!

Степка внимательно посмотрел на Бритвина, но тот невозмутимо выдержал его взгляд. Степка улыбнулся одними губами – нет, на такую дешевую приманку его не возьмут.

– Хвалите? Как и его хвалили?
– Это кого?
– Митю, кого!

Бритвин неопределенно хмыкнул.

– Ну, знаешь! Надо было, так и хвалил.
– А теперь не надо? Теперь меня надо? – отрывисто спрашивал Степка и перестал жевать.

Кусок хлеба во рту жестко выпирал за его щекой.

Бритвин нахмурился.

– А ты что, недоволен?
– Доволен!
– Слава богу! А то я подумал: в обиде. Оттого, что, как вчера Маслаков, на мост не погнал.

«Ах вот что!» – мелькнуло в голове у Степки. Может, Бритвин еще начнет упрекать его за неблагодарность? Действительно, на мост не погнал, дело сделали, и все наилучшим образом. Даже взрывчатку для отряда сэкономили – на стороне достали. И все-таки до Маслакова ему далеко.

– Маслаков не гнал! – срываясь, выкрикнул Степка. – Маслаков вел. Это ты гнал!
– Кого это я гнал?
– А Митю! Вспомни!

Распоясанный босой Бритвин вдруг вскочил на ноги, придерживая руками сползавшие темно-синие бриджи.

– Ах ты сопляк! Оговорить хочешь! У меня вон свидетель! А ну, пусть скажет: гнал я или он сам?

– Сам, сам! – охотно подтвердил Данила. – Просил Христом богом. Чтоб, значит, за батьку оправдаться.

– Понял? Полицая сынок к тому же! Учти!

Степка молчал, несколько растерявшись от столь неожиданного поворота ссоры. Да, тут они правы. Просился, это верно. И что сын полицейского – тоже правда. Но что же тогда получается?

– Выходит тогда, что сын полиция мост взорвал? А не мы? Так?
– Нет, не так! – твердо сказал, как обрубил, Бритвин. – Мы взорвали. Мы организовали и руководили. Я руководил. Или ты не согласен с этим?

Он не знал почему, но с этим он действительно был не согласен, хотя и ругаться больше не стал. Что-то в его захмелевшей голове перепуталось – не разобраться. Только какой-то самой упрямой и самой ясной частицей души он чувствовал, что все-таки Бритвин не прав, и он никак не мог примириться с ним.

Данила желтыми редкими зубами драл кусок мяса и с полным ртом говорил:

– Это самое... Если бы не они, – кивком бороды он показал на Бритвина, – если бы не они, все бы пропало.

Степка поднял голову и, почувствовав что-то загадочно-важное в этих словах, поглядел на Данилу.

– Ага. Когда конь подпрыгнул на мост, они бабахнули – и готово. Аккурат посреди моста.

– Кого? Коня?

– Ну. Того Рослика. Вот снайпер, а-яй! – низким голосом невозмутимо гудел Данила.

В шумной и шаткой голове Степки блеснула запоздалая догадка. Ослепленный ею, он минуту не мог произнести ни слова и только переводил ошеломленный взгляд с Бритвина на Данилу и обратно. Но мало-помалу все становилось на свои места, и он совершенно определенно понял, почему не побегал с моста Митя – подросток бросился спасать Рослика. А ему, дураку, показалось тогда, что в коня стрелял

полицай.

– Сволочь! – уже не сдерживаясь, выкрикнул Степка. – Ты – сволочь! Понял?

Почти не владея собой, Степка вскочил на ноги, его сжатые в кулаки руки дрожали, он задышался от возмущения. Бритвин минуту сидел, обхватив колени, будто сбитый с толку его словами.

– Ах вот как! – наконец произнес он и тотчас вскочил на шинели. – Сдать автомат!

На этот раз опешил Степка.

– Автомат? А ты мне его давал?

Бритвин угрожающе шагнул к Степке, но тот, опередив его, с неторопливой уверенностью нагнулся и, подняв свой новенький, с лаковой ложей ППШ, закинул его за плечо.

– Сдать автомат! – гневно потребовал Бритвин.

– А хрена вот!

– Ты что, сопляк! Выпил, так бунтовать?! Против командиров идти?!

– Ты не командир! Ты жулик!

– Ах так!

Из-под штабеля с испугом на лице торопливо и неловко поднимался Данила. Бритвин, выждав секунду, молча повернулся и решительно схватил прислоненную к бревну свою трехлинейку. С ней он уверенно шагнул к Степке.

– Не подходи! – крикнул Степка и вдоль штабеля отступил на один шаг.

Но Бритвин и еще шагнул, перехватив винтовку прикладом вперед, – озлобленный, ловкий и решительный.

– Не подходи, говорю! – с дрожью в голосе предупредил Степка и рванул с плеча автомат. От бешенства и волнения он трудно, устало дышал, заходясь в обиду оттого, что их двое против него одного.

Бритвин остановился, сомкнул насупленные брови, с недобрый блеском в суженных глазах, но вдруг прыгнул вперед и оказался напротив. Степка дернул рукоятку – затвор легко щелкнул в тишине, став на боевой взвод. Обдирая о бревна спину, Степка прижался к штабелю.

В озверевших глазах Бритвина скользнула нерешительность, но тут же они вспыхнули новым гневом, он сделал резкий выпад вперед и взмахнул винтовкой. Степка пригнулся, но неудачно – боль электрическим ударом пронизала его от шеи до пят. Парень едва не уронил автомат и сжал зубы. Нестерпимая обида захлестнула его, не своим голосом он крикнул: «Сволочь!» – и, задохнувшись, ткнул от себя автоматом. Коротенькая, в три пули очередь упруго треснула в лесной тишине.

Выронив винтовку, Бритвин согнулся, обеими руками схватился за живот и, шатко переступая, начал клониться к земле.

В гневе и горячке парень едва понял, что случилось, как на штабеле сзади что-то хакнуло, и широкие чужие руки сомкнулись на его груди. Степка рванулся, стараясь освободиться от наседающей на него тяжести, но силы были неравны. Он понял это и, дергаясь и слабея, все ниже оседал на коленях, пока не воткнулся лицом в мшистую мякоть земли.

– Сопляк! Стрелять? Ах ты!..

– Вяжи его! Руки вяжи! – надрывался где-то плаксивый голос.

Данила уже без надобности крутанул его на земле, выше заломил руки, коленом мстительно пнул в ребра ниже лопатки – в глазах у Степки блеснул и расплылся желто-огненный круг. Но он смолчал, не запросился, изо всех сил сдерживая боль и задыхаясь от удушливо-кислой, разрывающей его грудь вони...

Наткнувшиеся на них хлопцы из разведки к вечеру принесли Бритвина в отряд.

Степку со связанными руками пригнал под автоматом Данила.

Глава восемнадцатая

А теперь вот сиди.

Солнце из-за еловых вершин ярко высвечивает одну сторону ямы – становится теплее. Лес вокруг всю уже полнится звуками: слышно, переговариваясь, строится невдалеке группа партизан, наверно, на очередное задание; кто-то из посыльных, громко окликавая по пути знакомых, разыскивает начальника хозяйства Клепца; в другой стороне отпрягают коня – грохают брошенные на землю оглобли, слышится тихий перезвон удил и скрип сбруи. Новый часовой нет-нет да и подойдет к яме, заглянет в нее – на земляные комья тогда ложится его резкая изломанная тень и тут же исчезает. Хотя он и утешал Степку, но, по-видимому, разговаривать с арестованным у него нет больше желания, и парень чувствует это. Какая-то

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
пугающая отчужденность уже обособила его от других, вчерашних его товарищей по отряду и поставила в особое положение – обидное и угрожающее. Но что ж, наверно, он виноват.

Наверху, судя по звукам, ничего особенного не происходит, там с полным безразличием к нему идет повседневная отрядная жизнь. И потому неожиданно донесшийся знакомый голос заставляет его съезжиться.

– Вот где они! А я искал, искал...

– Чего искать? Вон кухня.

Степка сразу догадывается, что это за ним. Но почему Данила?

– Ну, где он? Сидит?

В земле гулко отдаются шаги, оба с часовым они идут к яме, и вскоре Степка видит над собой знакомые взъерошенные космы Данилы. Ну, что ему еще надобно?

– Во посадили! Как волка, а? На, поесть принес.

В яму свешивается на проволочной дужке переделанный из какой-то жестянки котелок, на краю его свежий, едва подсохший потек кулеша. Запах съестного сразу забивает все другие, затхлые запахи ямы. Степка, ощутив минутную радость, перенимает котелок, зажимает его между колен.

– Ложка, наверно, есть?

Ложка у него есть, он тут же достает ее из кармана – свою давнюю алюминиевую кормилицу с коротко обрезанным черенком, – оттирает пальцами сор и начинает есть. Данила садится на краю ямы. Рядом стоит часовой.

– Знаю я этого Бритвина, – говорит часовой. – Занудливый, не дай бог. Вон зимой Маланчука в Подосиновиках застрелил. Будто за нарушение дисциплины. Подлый он.

– Подлый, да, – легко соглашается Данила, и Степка поперхается от удивления – смотри, как быстро переменяет мнение! Он коротко поглядывает снизу вверх: Данила не спеша крутит папироску, его черное заросшее лицо сегодня непроницаемо.

– Говорят, подрались? – спрашивает часовой.

– Было, – неопределенно отвечает Данила. Судя по его настроению, рассказывать, как и что произошло вчера, он не намерен.

– На этой проклятой войне все бывает. Ты, может, на закурку богат?

– Где там! Мусор собрал.

– Так бычка оставишь. А то два дня не курил – уши опухли. С такими, как этот Бритвин, лучше не задирать. Ну их! Что нам, больше всех надо? Делают, как знают, черт с ними.

– Ну, – коротко подтверждает Данила, напустив в яму дыма.

Разговор не клеится, часовой ждет бычка, и Данила с жадной поспешностью дотягивает папироску.

– На, кури.

Кончиками пальцев часовой берет у Данилы окурок и отходит. Данила молча и тяжело смотрит, как Степка выскребывает котелок.

– Ну, поел?

Степка молчит: что ему разговаривать с человеком, от которого неизвестно чего ожидать.

– Бритвину операцию делать будут. Сказал, чтоб тебя привел.

Еще чего не хватало! Что ему делать у Бритвина – ругаться разве? Но ругань уже окончена. Теперь дело за начальством, оно все и решит. В его руках судьба Степки Толкача.

– Доктор говорит: плохо целил, – продолжает между тем Данила. – Еще бы на сантиметр – и конец!

Черт с ним! Это сообщение Степку ни радует, ни печалит. Совсем он не целил. Если бы целил, то доктор, наверно, не понадобился.

– И это самое... – Данила почему-то оглядывается, хотя рядом никого нет, и немного тише гудит над ямой: – Говорил, на тебя не обижается. Ну, выпили, понятное дело... Если по-хорошему, так можно договориться.

Степка поднимает голову; он не может скрыть удивления.

– Это как?

– А так, значит. Сказать, что ненароком. Случайно, мол, автомат выстрелил. А про Митю того молчок. Взорвали, и все.

– Ну уж нет! Пошел он в одно место!

– Это самое... Нехорошо ты, – настойчиво ворчит Данила. – О себе подумай. А то приедет комиссар...

– Пусть едет!

Данила сверху внимательно, будто даже в недоумении, смотрит в яму. Степка встает и ставит порожний котелок возле его сапог.

– Пусть едет! Я не боюсь.

Данила крутит головой, вздыхает. Весь его озабоченный вид свидетельствует, что он не одобряет парня.

Молча посидев, он поднимается, обрушивая в яму землю, потом подбирает котелок,

Круглянский мост. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru поправляет на плече оружие. И Степка только сейчас видит у него свой ППШ. Значит, уже и вооружился! Степка садится на прежнее место. Что-то твердое и спокойно-уверенное уже овладело им и не исчезает.

– Нехорошо ты удумал. Жалеть будешь, – ворчит Данила.

– За меня не бойсь.

– Да мне что!.. Вот только отпуск обещали. На трое суток. А теперь...

Он не договаривает, озабоченно смотрит в сторону, наверно на часового поблизости, и Степка догадывается, что он имеет в виду. Теперь, когда они не сговорились, отпуск у Данилы наверняка сорвется.

И правильно, что сорвется.

«Отпуск – за что? Кто действительно заслужил его, тех уже нет. А этому за какие заслуги?» – думает Степка. Нет, ничего у них с Бритвиным не выйдет. Степка виноват, его безусловно накажут, но прежде он расскажет, как все это случилось, и назовет Митю.

Комиссар разберется.

Не может того быть, чтобы не разобрался.

Пусть едет комиссар!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!